Игорь Гергенрёдер

Маленькие странники, или Почти сказочная история

ImWerdenVerlag
München — Москва
2008

© Игорь Гергенрёдер, 1999
© http://imwerden.de — некоммерческое электронное издание, 2008. Печатается с разрешения автора.

Одна и всем чужая

Когда настало лето, вышел прогуляться человек в летней рубашке. Он положил в её карман сигареты и зажигалку. Человек забыл, что карман прохудился. Закурив, он вернул зажигалку на место, а она и скользни сквозь дырку.

Это случилось в городе Берлине, в большом парке. Парк зовётся Тиргартен, что по-немецки означает: Сад Зверей. Когда-то в Берлине был король, и для него разводили оленей, зубров, кабанов. Король любил на них охотиться.

В Тиргартене давно нет крупных животных, но разнообразных обитателей, которые умеют прятаться, здесь много. Конечно же, об этом не знала зажигалка, упавшая в траву. А если бы и знала, что она могла поделать?

— Ох, — сказала она растерянно, лёжа в траве. — Я совсем одна!

Трава недовольно зашуршала:

— Фу, как ты пахнешь!

Тут же заволновались прошлогодние сухие листья:

— Это запах бензина! А он — страшное горючее! Что делает здесь эта незваная?

— Она устроит пожар, и мы все сгорим! — подхватили упавшие сухие ветки.

Зажигалку гнали прочь:

— Убирайся отсюда!

Она узнала, что такое — отчаяние.

— Куда мне идти? У меня больше нет хозяина. Где тот уютный карман, в котором было так приятно лежать?

— Поищи вон в той стороне, там такие же чужаки, как ты, — сказала крапива.

Зажигалка пошла туда, куда ей показали. И кого она увидала? Свежую аппетитную разрезанную пополам булочку с котлеткой между половинок. Поджаристая котлетка восхитительно пахла.

Ещё недавно булочку с котлеткой держал в руке старичок, для которого не было ничего интереснее на свете, чем прогулки по Тиргартену с его озёрами и островами на них. Старичок то и дело останавливался, подолгу обводил глаза-

ми озеро, смотрел на вершины деревьев, на облака. И потому всегда опаздывал к ужину. Жена ворчала, а он отмахивался:

— По дороге я закусил сосиской с хлебом.

На этот раз жена заявила:

— Чем покупать сосиски, возьми с собой булочку с котлетой!

И вот он, разглядывая статую королевы Луизы, собрался откусить кусочек булочки. В это время королева только и думала, что о танцах, которые начнутся с наступлением темноты. Ах, до чего обожала она танцевать! От нетерпения она приподняла ножку над постаментом и едва не закружилась. Старичок крякнул в точности, как самая настоящая утка, и выронил булочку с котлеткой. Королева уже стояла, как прежде, и он, немного придя в себя, поспешил домой, чтобы рассказать жене об увиденном.

А булочка с котлеткой остались лежать в траве и мучиться обидой. Получилось, что их, таких лакомых, попросту выбросили.

Когда Зажигалка подошла к ним, её встретили без радости. Булочка сказала мрачно:

— Какая ты… ароматная.

А Котлетка добавила:

— Этот аромат избавит любого не только от аппетита, но и от волчьего голода!

Зажигалка не знала, куда деваться с её горем.

— Меня все прогоняют!

Встреча со злой Бутылочкой

Неподалёку раздался приглушённый голос:

— Ты можешь мне составить компанию!

Что ещё обрадовало бы Зажигалку так, как это приглашение? Она поторопилась принять его и увидела под кустом бутылочку из-под водки. Бутылочка усмехнулась:

— Меня тоже многие бранят за мой запах.

— Он и вправду противный! — воскликнула Булочка, а Котлетка прибавила:

— Совершенно невыносимый!

Тут Бутылочка рассердилась.

— Вздор! Есть люди, которым мой запах ещё как нравится. Обычно носы у них красные, как помидор. Если меня поднесут к такому носу и его хозяин потянет им воздух и уныло покачает головой, оттого что я пуста, — я тотчас опять стану полнёхонька. Он сделает глоток и повеселеет. Сделает второй — и сболтнёт какую-нибудь глупость. Ему захочется выпить ещё, ещё. Он напьётся и станет хуже последнего дурака, ха-ха-ха!

Зажигалка подумала: «Какая злая!»

Возмутилась и Булочка.

— Ты вредная-превредная! — крикнула она обнаглевшей Бутылочке.

Та ответила злобно:

— Слышишь? Сюда бежит большущая собака. Она учуяла вкусное и враз проглотит тебя и Котлетку. От вашей гордости, какие вы восхитительные, останется одно воспоминание!

Булочка раньше не задумывалась, что такое — быть съеденной. И сейчас заплакала. Особенно страшно было то, что её проглотит огромная собака.

Спасительная идея

Булочка с плачем воскликнула:

— Ах, нет! Я не хочу, чтобы от меня не осталось ничего, кроме воспоминания!

Котлетка принялась кричать:

— Спасите нас, спасите нас!

Мстительная Бутылочка ликовала:

— Если бы вы запахли, как я или Зажигалка, любой зверь отскочил бы от вас. Но вы пахнете соблазнительно, и вам нет спасенья!

Она высоко подпрыгнула от восторга и несколько раз перевернулась в воздухе. Её злорадство возмутило Зажигалку, она бросилась к Булочке и Котлетке:

— Хотите, я спасу вас? Вы отдадите мне ваш запах, а я вам — мой!

— Но наш такой приятный, — захныкала Котлетка.

— Я верну его вам, как только минует опасность, — пообещала Зажигалка.

Собака была уже так близко, что послышалось её дыхание, и Булочка воскликнула:

— Мы согласны!

В тот же миг её и Котлетки запахи передались Зажигалке, а обе они сильно, остро запахли бензином. Их как раз увидала собака — огромный прожорливый ризеншнауцер. Он открыл пасть, чтобы слопать лакомство, но вдруг фыркнул и с отвращением отвернулся. Тут он заметил, от кого исходит заманчивый аромат. «Так вот она вкуснятинка!» — обрадовался ризеншнауцер, подхватил лакомство языком, но его морда вмиг перекосилась. Собака выплюнула Зажигалку.

«Ну и еда! И кому только такое по вкусу?» — недоумевая, собака побежала назад к хозяину, сидевшему на скамейке.

Котлетка от радости покинула своё место меж половинок Булочки, сделав прыжок, какого и сама не ожидала от себя. Она обняла Зажигалку:

— Ты спасла нас, добрая, хорошая!

— И какая храбрая! — воскликнула Булочка. — Не испугалась, что попадёт в ужасную зубастую пасть, и побывала в ней!

Когда все горячие похвалы были высказаны, а запахи возвратились к их обладателям, настал черёд обсудить положение.

Галантный Шашлык

Зажигалка предложила:

— Прежде всего, нам нужно исследовать местность.

Было решено отправиться на разведку. Котлетка желала остаться самостоятельной, и Булочка опоясала себя травяным стеблем, чтобы не распадаться на половинки.

Разведчики шли, скрываясь то в траве, то под кустами. Вдруг Котлетка, замерев, прошептала:

— Что за изумительный дух! Почти такой же, как мой!

— Ну уж, — возразила Булочка. — Кто ещё способен так чудесно пахнуть?

Они смотрели на старое дерево, которое высилось у них на пути. Виднелось дупло в замшелом стволе. Послышался шорох, из дупла выпало что-то с шипеньем, оставив в воздухе лёгкий парок. Не успели разведчики опомниться, как с земли поднялся отличный, словно сию минуту поджаренный шашлык. Он галантно поклонился и произнёс:

— Я счастлив, что встретил таких прелестных юных дам.

«Ах, как он мил!» — подумали три девушки и в один голос спросили, не известно ли ему, где они находятся.

— В Тиргартене, в самом прекрасном месте на Земле! — воскликнул Шашлык.

— Неужели… в самом? — удивилась Зажигалка.

— Ну разумеется! Ведь именно здесь я явился на свет. Если быть точным, это произошло на лужайке неподалёку. Весёлая компания устроила пикник. Я и мои братья сначала были кусочками мяса, которые нанизали на шампуры. Затем нас поместили над угольями. При этом люди говорили о том, как хорошо в Тиргартене. Какие тут раскидистые дубы, великолепные пихты, шелковистая трава, а сколько чудесных цветников! И до чего красивы озёра, соединённые протоками, над которыми клонятся плакучие ивы.

Пока я и мои братья поджаривались, — рассказывал Шашлык, — компания пошла поиграть в мяч. А меня страстно потянуло полюбоваться красотой Тиргартена. Эта тяга странным образом пересилила желание быть съеденным. Я прыгнул в траву, бросился в заросли, я устремлялся дальше и дальше сквозь их гущу. Оказался у дерева и спрятался в дупле.

— О, мы хорошо вас понимаем! — воскликнули разом Котлетка и Булочка и рассказали, как сами едва не были съедены.

Шашлык, выслушав подробности, склонился перед Зажигалкой и выразил восхищение её отвагой и благородством. Затем он обратился ко всем трём девушкам:

— Будь рядом я, вам не пришлось бы тревожиться! Я не боюсь ни собаки, ни лисы, ни любого другого зверя.

Булочка потупила глаза и пробормотала:

— Трудно поверить, ведь вы так прекрасно пахнете.

— Но я горяч, как сам огонь, а звери страшатся огня! — с гордостью сказав это, Шашлык вздохнул и добавил опечаленно:

— Зато люди знают: на меня надо подуть, чтобы я остыл. Против такого коварства у меня нет оружия.

Котлетка спросила с беспокойством:

— А сами вы не остынете?

Шашлык приосанился и вдохновенно произнёс:

— После того как я увидел трёх красавиц, я никогда не остыну!

Девушки от волнения не знали, что сказать. Зажигалка напомнила: пора в путь.

На свободе нож грабителя

Они прошли немного, как вдруг услышали писк и призывы на помощь. В густой траве обнаружился вход в мышиную нору. Кто-то понаделал из срезанных веток колышки и вбил их так, что они торчали острыми концами из краёв входа. Как выбраться из норы, не поранившись? Бедные мыши, запертые в их подземном доме, умоляли выпустить их. Им надо было идти добывать съестное.

Зажигалка первой шагнула к норе и один за другим повыдергала колья. Мыши радостно выскочили наружу, принялись плясать и благодарить спасительницу.

— Но кто сыграл с вами такую шутку? — хотели знать она и её спутники.

Мыши пищали:

— Мы знаем только, как он был бы рад — поранься кто-то из нас!

— Да, да! Он очень доволен тем, что сделал с нами! — раздался голос. — Мы цвели, радовались солнцу, встречали угощением пчёл, а он срезал нас, и теперь мы высыхаем.

Зажигалка, её друзья обернулись и увидели лежащие на земле цветы.

— Мы тоже высыхаем! — прозвучал другой голос. — Он и нас срезал и бросил наземь.

Поодаль от цветов лежали ветви клёна, листья уже начали вянуть. Зажигалка воскликнула:

— И никому не известно, кто он?

— Нож! — ответили цветы и ветви.

Больше они ничего не могли сказать, между тем как произошло вот что. Один грабитель, убегая от полиции, кинулся в Тиргартен. Заметив дерево с отставшей местами корой, он сунул под кору свой бандитский нож, а потом вышел на аллею с видом приличного человека, который совершает прогулку. Однако у полицейских был портрет преступника, его опознали и арестовали. Но он не сказал, где его нож.

Тот выскользнул из-под коры дерева, огляделся: «Ага, я на воле и могу делать, что хочу!»

Свои находят своих

Нож начал слоняться по Тиргартену и безобразничать. Превратив в западню для мышей их собственную нору, он шёл и думал, что бы ещё натворить. Молодая берёзка белела гладкой корой. Нож стал надрезать её, удлиняя глубокую борозду. Рана причиняла берёзке страшную боль, по коре потёк сок. Это были слёзы деревца. А злодей и не собирался прекращать своё занятие, как вдруг с аллеи донеслось:

— Я вызову полицию!

Приближалась разгневанная пожилая женщина, и Нож трусливо убежал. Старушку зовут госпожа Розенблюм. Она ненавидит всяческое зло. Живёт она вблизи Тиргартена и любит появиться здесь на прогулке в новой шляпке. К каждой она прикалывает цветок, но только искусственный. Будь это в её воле, ни один живой никогда не был бы срезан. Более всего госпоже Розенблюм нравятся розы.

Когда Нож обратился в бегство, Зажигалка, Булочка, Котлетка и Шашлык были невдалеке. Они только что подошли.

«Какая молодец — эта дама!» — мысленно воскликнула Зажигалка. Выйдя из-под куста жасмина, она почтительно представилась госпоже Розенблюм. То же сделали Котлетка и Булочка. Девушки говорили даме, как они рады её поступку. Та старалась не выдать смущение.

Шашлык чуть было тоже не оказался тут, но предпочёл остаться за кустом. «Несомненно, она достойна симпатии, — думал он о старушке в шляпке, — но не вызовет ли у неё мой вид аппетита?»

Тем временем Нож, убегая, очутился в чаще, где его остановило тихое, но крепкое ругательство. Из зарослей папоротника поднялся детина с красным носом и таким животом, что любой бы изумился: «Вот это брюхо!» Казалось, в нём могли уместиться пара откормленных индеек и гусь в придачу. Под стать брюху был большущий рот с толстыми губами.

Не так давно детина жил в деревне, где все знали его как отъявленного браконьера. Он подстреливал косуль, ланей и других животных, на которых запрещено охотиться. Ненасытно вылавливал рыбу из водоёмов, расставляя сети и подводные ловушки — верши. Пруды, где раньше рыба так и играла, пу-

стели. Браконьер не раз попадался. Грубый и бесстыжий, тут он начинал лить слёзы и жалобно просить, чтобы его помиловали:

— Мой желудок усохнет за день без жареной щуки и дичи.

Неисправимого типа прозвали Съем Всё. У него забрали ружья, капканы, сети и прочие орудия браконьерства. А как присматривали! Ему пришлось вести честную жизнь. Несчастный затосковал до того, что водка, которую он любил не меньше дичи, нисколько его не веселила.

Он слышал о Тиргартене: там во множестве водятся дикие кролики, от роду не видавшие охотников. В озёрах и протоках всплескивают жирные карпы. Здесь полно непуганых уток разных пород. «Уж где я сумею не остаться без добычи», — мечтал браконьер, представляя, как на берег к нему выходят утки, привыкшие, что люди их подкармливают.

Съем Всё переселился в Берлин.

Уловка подстрекателя

Браконьер притаился в зарослях, к которым подступала поляна. На неё с другой стороны выскочили два кролика. Пощипывая траву, они оказывались ближе и ближе к месту засады. Съем Всё вспотел от волнения. Вот тут-то возле его укрытия и появился незнакомец, заставив браконьера привстать. Он и Нож вглядывались друг в друга. Пытаясь говорить шёпотом, детина взбешённо прохрипел:

— Проходимец! Бежишь, как на угощение. Ты чуть не резнул меня!

Пришелец отскочил назад. Его взяло любопытство, зачем прячется здесь этот свирепый тип. Нож встал за дерево и заметил на поляне двух кроликов. Хотя они и привыкли к безопасности, но ручными не были. До них донеслись голос детины, шорох. Кроликам не понравилось, что в чаще есть кто-то, они предпочли пастись на середине поляны. Съем Всё щёлкнул языком и облизал толстые губы.

«Вон оно что! — понял Нож. — Тип сходит с ума по тушёному кролику».

Браконьер в отчаянии вскочил на ноги, протянул жадные ручищи в сторону зверьков. Те умчались. Он так и хлопнул себя по брюху. К охваченному горем неудачнику приблизился Нож:

— В одиночку голыми руками ты здесь никого не поймаешь. А я мог бы кое-что предложить.

— Что? — рявкнул Съем Всё.

— Я срежу ветвь ивы, заострю конец — ты получишь копьё. Лишь я знаю, где есть подходящие ветви.

Съем Всё задрожал в предвкушении добычи:

— Живо копьё мне!

Нож зловеще осклабился:

— Сперва устрой, чтобы одна старая дама не приходила в Тиргартен. Она не даст тебе охотиться — поднимет шум.

— Я встречал таких сумасшедших! Как они замучили меня! — прорычал браконьер в ярости.

— Напугай её так, чтобы она здесь никогда носа не показала. Пусть увидит весь твой гнев, когда ты бросишься на неё с ножом.

— Брошусь с ножом?

— Ну да. С тем самым, который перед тобой.

Съем Всё призадумался: его подбивали на дело посерьёзнее браконьерства. А он не хотел сидеть в тюрьме.

Подстрекатель уговаривал:

— Вовсе и не надо нападать по-настоящему. Старушке хватит одного твоего вида с ножом в руке. Она уберётся из Тиргартена навсегда.

Съем Всё покачал головой и отвернулся.

Нож получил подкрепление

Поблизости чуть слышно зашуршала трава, из-под кустов выкатилась водочная Бутылочка и затанцевала у ног детины.

— Вот кто мне нравится! — восхитился он, схватил Бутылочку и сказал с горечью: — Как жаль, что пуста.

Он поднёс её к носу, красному, как помидор, жадно понюхал горлышко. Миг — и Бутылочка наполнилась водкой.

Съем Всё аж причмокнул.

— Что за удача! Лучшего подарка к ужину не может быть!

Нож не сдержал нетерпения:

— Глотни же пару раз!

Он думал: «Ты одуреешь, тогда-то я и уговорю тебя кинуться на старуху».

— Я не пью водку без закуски, — сказал Съем Всё и сунул Бутылочку в карман.

Через минуту в руках у него оказался рюкзак, который он давеча повесил на дерево. Положив рюкзак на траву, Съем Всё расстегнул его. Нож увидел ложки, вилки, тарелки и прочие столовые приборы.

— Зачем ты всё это таскаешь? — он был в недоумении.

— Я ем чаще, чем остальные. Таков мой желудок, и я не хочу, чтобы он страдал. Как только приспеет время — всё уже при мне, будто я сижу за накрытым столом. — Детина поднял рюкзак и бережно прижал его к груди.

«Какие замашки у этого чревоугодника! А я-то принял его за простого обжору», — подумал Нож.

— Пойду куплю снедь. Мы присядем, я выпью, поем, и поговорим о копье, — сказал Съем Всё.

Подстрекатель едва не подпрыгнул от досады:

— Ты уходишь из Тиргартена?

— Я скоро вернусь, — услышал он в ответ и вскричал мысленно: «А старуха-то может уйти домой! Ах, как мне не везёт!»

Из кармана детины донёсся голос Бутылочки:

— Вынь меня!

Ему было приятно держать её в руке, полную водки.

— Опусти меня наземь!

На этот раз он послушался с большой неохотой.

— Тебе незачем тратиться на еду, — объявила Бутылочка. — Я проследила кое за кем. Твоя снедь недалеко. И на славу же ты закусишь!

Она покатилась, Съем Всё и Нож пошли следом. Провожатая привела их к развесистому дубу. Обогнув его, они увидели компанию. Под дубом сидели Булочка, Котлетка, Шашлык и Зажигалка.

Когда стол был накрыт…

— О, эту добычу я уже чувствую на зубах! — Съем Всё расплылся в ухмылке до ушей.

В его руках были Шашлык и Булочка. Нож поддел Котлетку.

В тени между деревьями чревоугодник приметил широкий низкий пень:

— Стол получше всякого другого!

Трёх минут не минуло, как на столе уже стояли Бутылочка с водкой и стаканчик. На тарелках лежали Шашлык, Котлетка, Булочка. Съем Всё усаживался на траве. В это время по пню с другой стороны вскарабкалась Зажигалка, осторожно выглянула из-за края. Давеча ею не заинтересовались, она же поспешила за теми, кто уносил её друзей.

Съем Всё положил рядом со стаканчиком сигарету, чтобы закурить после выпивки и еды. Он увидел — на столе не хватает солонки — и отвернулся, доставая её из рюкзака. Зажигалка, решив действовать, не упустила момент. Когда Съем Всё вновь взглянул на стол, она лежала рядом с сигаретой. «Хм, я чуть не полез опять в карман за зажигалкой, хотя уже вынул её», — сказал себе детина.

Его храбрая противница очень рисковала, но не промахнулась. Он принял её за свою собственную зажигалку.

«Я стал рассеян и теряю время», — недовольно подумал Съем Всё, протягивая руку к Бутылочке, чтобы наполнить стаканчик.

Тут Зажигалка прошептала сигарете:

— Сколько раз я послужила вам, сигаретам, моим огоньком! Выручи и ты меня, сделай, о чём попрошу…

Съем Всё хотел взять налитый до краёв стаканчик, как вдруг сигарета подпрыгнула и нырнула в него.

— Фу! — чревоугодник поморщился. — Что за ерунда?

Он извлёк сигарету из стаканчика, отшвырнул её. Надо было бы выплеснуть водку, но как решиться на это? Пока он колебался, Зажигалка вскочила, с наскоку толкнула стаканчик и опрокинула его.

— Проклятье! Мне не дают утолить жажду и голод! — взревел Съем Всё, схватил Бутылочку и глотнул из горлышка.

А Зажигалка, промчавшись по пню, с разбега бросилась в прошлогодние листья. Детина же запрокинул голову, спеша ещё разок хлебнуть из Бутылочки и приняться за еду. Тут с тарелки приподнялся Шашлык и уколол его в локоть остриём шампура.

— Ай! — вскрикнул Съем Всё, глянул вниз — остриё успела прикрыть поджаристая Котлетка. — Что здесь вытворяют? — он повернул голову вправо, влево, дико вращая глазами. Водка уже начала действовать на него. — Чья затея — позабавиться надо мной?

Он ждал ответа от Ножа, а тот, заметив, куда прыгнула с пня Зажигалка, кинулся искать её. Он шарил в сухих листьях, она увернулась от него, понеслась вокруг пня. Очутившись перед ботинком детины, Зажигалка недолго думая вскочила на ботинок и нырнула под штанину. Нож в пылу погони не смог остановиться и распорол штанину приятеля снизу до колена. Через миг самого ловца крепко сжимали в руке.

— Вот зачем ты подлизывался ко мне! — Съем Всё задыхался от ярости. — Решил, что нашёл дурака для забав? То-то ты хотел, чтобы я напал на кого-то и угодил в тюрьму. — Детина вскочил на ноги, швырнул Нож на землю, стал топтать его. — Я отправлю тебя в местечко не хуже тюрьмы, и мы увидим, кто дурак!

В просвете между деревьями открывалось озеро. Съем Всё поднял Нож, побежал к озеру, у самой воды широко размахнулся и бросил невезучего подстрекателя далеко, как только смог. Всплеснула вода, через несколько секунд Нож достиг дна и глубоко увяз в иле.

А Съем Всё уже ощущал муки голода. Скорее бы навалиться на еду! Да только она не собиралась дожидаться подвыпившего типа с огромным брюхом. Когда Нож распорол его штанину, Зажигалка, скатившись наземь, убежала за пень. И принялась звать друзей, лишь только детина устремился к озеру. Шашлык, Булочка и Котлетка, впрочем, и сами следили за происходящим. Возвратившийся Съем Всё застал тарелки пустыми.

Беглецы уходили прочь, невидимые за кустами. Когда дала себя знать усталость, Шашлык настоял, чтобы Котлетка и Булочка опирались на него.

Спустилась ночь, группка всё шла, пока Котлетка не сказала жалобно:

— Я упаду и больше не встану.

Они были в чаще разросшихся лопухов. Под их широкими листьями беглецы мгновенно уснули.

Приглашение на неизвестный корабль

Пробудились четверо довольно поздно, в их укрытие пробивались утренние лучи. Шашлык с горячим участием спросил своих спутниц, хорошо ли они спали, не чувствуют ли утомления. Он был особенно внимателен к Котлетке. Ему отвечали, что всё в порядке.

— Тогда, юные дамы, я пойду посмотрю, нет ли опасности, — он скрылся за растениями, а возвратившись, воскликнул: — Какая живописная местность!

Группка вышла на луг, залитый солнцем, которое показалось из-за дальних деревьев. За лугом посверкивала озёрная гладь. Путники направились в ту сторону, Шашлык предложил Котлетке опять опереться на него. Та чуть было не сделала это, но Булочка упрекнула кавалера:

— Вчера вы были так любезны не с нею одной.

Кругом цвели ромашки, красные и белые маргаритки, жёлтые лютики и первоцвет, синий шалфей. Над ними порхали бабочки, повисали в воздухе стрекозы. Шашлык вдруг встал перед Котлеткой и прошептал:

— Как мне отвести взгляд от вас? — он сорвал ромашку, протянул её в низком поклоне: — Несравненно пленительная Котлетка, станьте моей женой!

Его избранницу охватило смущение. Было видно: оно так сильно, что не даёт ей сказать слова. Зато Булочка громко фыркнула:

— Чушь! К столу не подают шашлык с котлеткой. Но что обязательно нужно к шашлыку, так это хлеб!

Кавалер произнёс с достоинством:

— Я не собираюсь думать о тех, кто и с чем хотел бы съесть меня и мою жену.

Он подхватил Котлетку и от счастья завертелся на месте. Потом пустился с невестой к берегу озера, где вздымались деревья, а травка под ними курчавилась мелкая, не мешающая танцевать.

Бабочки и стрекозы разнесли весть о свадьбе, и вскоре на берег под дуплистый вяз устремились кузнечики, полевые сверчки, паучки, божьи коровки — множество других жучков, жуков и всевозможных букашек. Паучки играли на флейтах, валторнах, гобоях, кузнечики бренчали на гитарах, стрекозы пиликали на скрипках, сверчки показывали класс на виолончелях и контрабасах, цикады пели и били в барабаны и в литавры.

Всё сборище принялось плясать, и только Булочка стояла в стороне удручённая. К ней подошла Зажигалка:

— Если у тебя есть характер, не показывай, что расстроена. Танцуй со мной! — она вовлекла подругу в танец, который превратился в неистовую пляску.

Булочка остановилась перевести дух, и на неё опустился майский жук. Он был так стар, что не разглядел, куда садится. Она раздражённо прогнала его. Жук понял свою ошибку. Он оставался в душе кавалером хоть куда и, кружась над Булочкой, воскликнул:

— О, я потерял голову! Но разве моя вина, что вы прекрасны, как майское небо?

Печаль девушки улетучилась. Зажигалка подвела её к Котлетке и Шашлыку, те приняли поздравления. Все четверо улыбались, когда подошла соскочившая с дерева белка и любезно сказала молодой паре:

— Я хочу, чтобы вам принесло радость моё речное судно.

— Ваше судно? — удивились Шашлык и Котлетка, а с ними Зажигалка и Булочка.

Белка объяснила с непринуждённым видом:

— Я — капитан корабля.

Друзья не могли справиться с изумлением. Кто слыхал, чтобы белки водили корабли?

— Что тут странного? — сказал необычный капитан. — Как-никак я живу в Тиргартене, где не устаёшь любоваться озёрами и протоками, островами и мостами.

После этих слов компания охотно пошла за Белкой вдоль берега. Впереди поднимались глухие камышовые джунгли. В них обнаружился укромный выход к воде — друзья и впрямь увидели судно. Это был плот из обломков ветвей, связанных зелёными камышинками и покрытых кусками сухой древесной коры. Их, в свою очередь, покрывали листья каштана.

— Мой корабль приготовлен для свадебного путешествия! — торжественно объявила Белка.

— В самом деле? — Шашлык не скрыл радостного удивления. — Какой приятный сюрприз!

А Котлетка добавила, что всю свою жизнь мечтала о свадебном путешествии на корабле.

Белка с поклоном пригласила пару взойти на борт. За молодожёнами прошла Булочка. Следом пошла было Зажигалка, но ей преградили путь.

Тайный план

— Как опытный капитан замечу: нигде так не страшен пожар, как на корабле! Вы огнеопасны, а у меня пассажиры, — заявила Белка Зажигалке.

Та пролепетала растерянно:

— Но они мои лучшие и единственные друзья.

— Тем более вы не должны рисковать их жизнью! — с этими словами Белка скакнула на плот.

Она погрузила в воду весло, изготовленное из коры старой сосны, энергично налегла на него — судно отчалило.

— Я буду ждать вашего возвращения! — крикнула Зажигалка пассажирам.

Но Шашлык и Котлетка были слишком захвачены их счастьем, чтобы ответить. А Булочку занимало одно: как выглядеть весёлой.

Незамысловатый корабль отплывал всё дальше от берега. День стоял жаркий, безветренный. Зеркальная водная гладь искрилась на солнце. Вскоре судно оказалось там, где озеро наиболее широко, — напротив скульптуры, которая возвышается на зелёном берегу. Это памятник поэту и композитору Густаву Альберту Лортцингу, в чьих операх-сказках зло нередко притворяется добром.

Пассажиры корабля не взглянули на далёкий памятник, им было не до того. Они почувствовали себя нехорошо.

— Какое кошмарное пекло! — пожаловалась Котлетка.

— Капитан, — обратился Шашлык к Белке. — Не могли бы вы отвезти нас в тень?

— И как можно скорее! — потребовала Булочка. — Иначе я превращусь в сухарь, твёрдый, как камень.

Белка с пристальным вниманием смотрела на пассажиров.

— В самом деле, так жарко? Отлично! Будьте здоровы! — Она закинула весло подальше в воду, бросилась в неё сама и поплыла к берегу, оставив недвижный плот на озёрной глади.

Три пассажира не могли прийти в себя от изумления. Как и некоторые люди, они думали, что белки не умеют плавать. А те, когда это необходимо, оказываются отменными пловцами.

Первой заговорила Булочка:

— Куда её понесло? И когда она возвратится?

— Пока я вижу — она достигла берега, — отозвался Шашлык. — Вон она мелькнула, скользнув к дереву.

— Солнце невыносимо! Мне плохо! — заплакала Котлетка.

Все трое принялись звать их капитана. Они не подозревали, что их коварно заманили на корабль.

Каждое лето Белка заготавливает на зиму продовольствие. Она соорудила плот, чтобы привозить добычу с другого берега и с островов. Высоко на деревьях в укромных дуплах и во всех остальных её тайниках становится больше и больше запасов, но ей кажется, что их недостаточно. Когда на глаза ей попались Шашлык, Котлетка и Булочка, Белку обуяла алчность:

«Какой прекрасный может получиться запас на много дней!»

Надо было устроить так, чтобы Шашлык с Котлеткой на солнце провялились, а Булочка обратилась в сухарь. Тогда эта провизия сможет долго храниться в дупле, не портясь.

Белка была очень довольна, что на небе нет ни облачка. Три пассажира на её корабле кричали и кричали из последних сил. Их палило беспощадное солнце, кругом расстилалась безмолвная водная ширь.

На далёком берегу одинокая Зажигалка дожидалась возвращения друзей. Она видела застывший на середине озера плот, который казался крошечным.

До неё донеслись едва слышные крики. Она заметалась в тревоге. Как быть? Зажигалки не умеют плавать.

Что хотела знать Черепаха

Зажигалка помчалась по берегу, ища, кто мог бы помочь. Ей послышалось что-то вроде поскрипывания, она побежала на звук и очутилась перед черепахой, которая тёрлась панцирем о ствол ивы.

— Привет! — сказала Зажигалка. — Можно попросить вас о помощи?

— Погоди, — остановила её Черепаха, — ответь сначала, не поможешь ли ты мне?

— Конечно! — воскликнула Зажигалка с готовностью. — Скажите только, что мне надо сделать!

— У меня нестерпимо чешется под панцирем. Я тёрлась им о землю, о камни, обо всё, что мне попадалось! Ничто не помогает. О, как мне хочется почесать под ним!

Зажигалка предположила:

— Может, вам нужно снять панцирь и поскрести то место, где зуд?

У Черепахи вырвался хриплый смех, целую минуту он не давал ей говорить.

— Снять панцирь? Ха-ха-ха! Хотела бы я знать, как это у меня получится.

Зажигалка сказала расстроенно:

— Тогда я ничем не могу помочь.

— Это хорошо, — пробормотала Черепаха и поправила себя: — Хорошо не то, что ты не можешь помочь, а то, что ты честно об этом сказала. Когда от кого-нибудь чего-то хотят, то обещают всё, что угодно. А ты этого не сделала. — Она с симпатией глядела на Зажигалку: — Ну, так какая у тебя нужда?

Зажигалка повернулась к озеру и показала на видневшийся вдали плот:

— Там мои друзья. Что-то случилось — они зовут на помощь.

— И ты не сказала сразу? — вскричала Черепаха.

Было видно, какая она славная, добросердечная, до чего сострадает тем, кто в беде. Быстро, как только могла, она сошла в воду и поплыла к плоту.

Котлетка и Булочка взобрались на спину к Черепахе и были благополучно доставлены на берег. Затем тот же путь проделал Шашлык.

— Ах, ах! — жалобно ахали Котлетка с Булочкой и причитали, что не переживут солнечного удара.

Зажигалка волновалась не меньше, утешая их. Окуная в воду лист таволги, она освежала их брызгами. Шашлык, когда она и его принялась обрызгивать водой, от слабости едва мог говорить. Однако он собрал все силы, чтобы поблагодарить Зажигалку, и прибавил:

— Пожалуйста, будьте осторожны — не прикоснитесь ко мне. Я так раскалён, что вы можете больно обжечься.

Сеть из слов

В тени прибрежных деревьев росла осока, сохранившая влажность и прохладу. Шашлык, Котлетка и Булочка забрались в самую гущу. Какое они испытали удовольствие! Зажигалка радовалась, глядя на них.

А Черепаху уже ничто больше не отвлекало от зуда под панцирем. Она поспешила к кустам шиповника, стала тереться костяной спиной о его шипы.

— Кто бы мне помог! — вскричала она в сердцах.

Послышались крадущиеся шаги, и чей-то голос проговорил:

— Что за беда у черепахи, которая не была бы столь крупной без обильного корма?

Черепаха из осторожности заторопилась к воде. Однако никто не погнался за нею, и она обернулась, готовая немедля нырнуть в озеро. Из-за деревьев появился человек с животом не меньше бочки, с большущим ртом и носом, красным, как помидор. Маленькие острые глаза уставились на Черепаху. Глаза улыбнулись, и она не заметила, как они хитры. Все её мысли свелись к одной:

«А вдруг он знает, как мне избавиться от проклятого зуда?»

И она рассказала, до чего мучительно чешется у неё под панцирем. Выставив брюхо, Съем Всё, а это был он, молчал. Чревоугодник старался не показать свою радость.

— Ты не подумала, что тебя могут обмануть? — сказал он с видом заботы о Черепахе. — Тебе подскажут что-нибудь и вволю позабавятся над тобой.

— А ты, значит, решил, что я всему поверю? Неужели я выгляжу такой глупой? — обиделась Черепаха.

Съем Всё, словно сожалея о своей ошибке, развёл руками:

— Я лишь хотел предупредить тебя.

«Кто предупреждает об обмане, тот не собирается обманывать», — подумала Черепаха. Зуд одолевал её так, что она затрясла головой:

— О, как чешется!

Съем Всё наблюдал за ней.

— Не знаю, чем помочь.

— Я это уже поняла. Хорошо, что ты не врёшь мне.

Детина вдруг заломил руки, изображая жалость:

— Нет, я не могу смотреть, как ты мучаешься. Я знаю средство, но я думал, а что если ты притворяешься, чтобы посмеяться надо мной.

— Я притворяюсь?! Какой ты глупый! — рассердилась Черепаха. — Так чего ты хочешь за твою помощь?

При этом она думала: «Когда избавляют от такого страдания, как моё, требуют огромную цену».

Съем Всё умел говорить медовым голосом, и сейчас умение не подвело его:

— Я не собираюсь наживаться на несчастье. Я с тебя ничего не возьму.

У Черепахи сильно забилось сердце. «Он простоват, но не лучше ли ума его бескорыстие? Наконец-то мне встретился тот, кто поможет мне даром, как я помогла многим!» — воскликнула она мысленно.

Незнакомец, который её несказанно обрадовал, произнёс:

— Я сделаю так, что твоя проклятая чесотка испарится навсегда!

Черепаха спросила, что для этого нужно, и услышала:

— Ты влезешь в мой рюкзак, я отнесу тебя к себе домой. Там я опущу тебя в котёл с водой и поставлю на плиту.

«Я буду в воде, а не где-нибудь. Отлично!» — подумала она и сказала:

— Это всё?

Чревоугодник кивнул:

— Удастся на славу!

Черепаха помолчала.

— Я всегда была в озере или совсем рядом. Как мне покинуть мой родной Тиргартен?

— Он впрямь чудесен, раз в нём встречаются черепахи весом с козлёнка! — воскликнул Съем Всё с неподдельной искренностью. — Не переживай, мой дом в двух шагах.

Какую роль сыграл молочный суп

Зажигалка и её друзья, скрытые осокой, слышали разговор. Шашлык, Котлетка и Булочка не могли не знать, для чего служит плита. Да и Зажигалка видела не раз, как её хозяин варил себе суп.

— Тут где-то недалеко аллея. Я побегу и подниму тревогу, — прошептала она. — Сидите тихо.

И исчезла в зарослях. А Съем Всё повторял Черепахе, что она лишь ненадолго оставит Тиргартен. Та готова была влезть в рюкзак, но, оглянувшись на озеро, не смогла оторвать от него глаз. Такое приветливое, озеро, казалось, говорило: «Не уходи!» Браконьер начинал терять терпение.

Кругом же царила безмятежность, благоухали цветы, в небе носились ласточки. В такой приятный день госпожа Розенблюм, конечно же, была в парке. Сегодня она в первый раз надела светло-розовую шляпку, к которой приколола искусственную розу цвета молока. Живые же цветы, считала дама, должны жить, они чувствуют боль, как любое растение и каждое существо.

Прогуливаясь, госпожа Розенблюм поравнялась с кустами тамариска, цветущими палевыми цветками, как вдруг перед нею выбежала на аллею знакомая Зажигалка. Наклонившись, чтобы лучше её слышать, пожилая дама узнала: кто-то хочет съесть Черепаху. Госпожа Розенблюм сильно встревожилась:

— Показывай, куда мне идти!

Она увидела на берегу озера какого-то типа, который подхватил на руки Черепаху, говоря:

— Я понесу тебя к выходу вдоль озера, чтобы ты видела его как можно дольше.

Черепаха на этот раз ничего не сказала. Но тут браконьер услышал голос дамы:

— Отпустите её сейчас же!

Он обернулся, смерил госпожу Розенблюм нахальным взглядом:

— Она сама попросила меня помочь ей! — и обратился к Черепахе: — Не так ли?

Та подтвердила.

— Но он же съест вас, — дрожащим голосом вымолвила дама.

Черепаха смотрела на неё с недоумением:

— Меня? Он станет грызть мой панцирь? — и едва не рассмеялась.

Госпожу Розенблюм объял ужас:

— Он сварит из вас суп!

— Ничего подобного! — вскричал в ярости Съем Всё.

— О да! — и пожилая дама топнула ногой.

Черепаха чувствовала себя сбитой с толку. Кого ей слушать?

— Какой-такой суп? — сказала недоверчиво.

— Вспомните детство! Разве ваша мама не кормила вас молочным супом? — в отчаянии спросила её госпожа Розенблюм.

— Ну конечно, — ответила Черепаха. — Как он мне надоел!

— При чём тут молочная похлёбка? Это будет вкуснейший черепаховый суп! — вырвалось у чревоугодника, который так и видел себя склонившимся над полным булькающим котлом.

Он понял, что проболтался, но было поздно.

И всё же побывала в гостях

«Суп из меня?» — Черепаха сигнула из рук детины в озеро, нырнула вглубь. А он, не помня себя оттого, что добыча ускользнула, прыгнул за нею, как был, в одежде. Ныряльщик он был никудышный и поспешил высунуть голову из воды, чтобы не захлебнуться. Его ноги достали дна, но провалились в ил, вода доходила ему почти до рта, он фыркал и отплёвывался.

— На помощь! — заорал он.

Над ним стояла на берегу госпожа Розенблюм:

— Обещайте, что вы никого больше не тронете в Тиргартене.

— Обещаю! — крикнул браконьер.

Дама подняла с земли упавшую ветвь, протянула ему конец — тип ухватился за него обеими руками. Госпожа Розенблюм потянула ветвь что было сил

и чуть сама не упала в воду, прежде чем грузный детина оказался на берегу. Даже не подумав поблагодарить даму, он понёсся домой переодеваться.

Зато госпожа Розенблюм увидела радость Зажигалки и её друзей, которые были тут как тут. Раздался и голос Черепахи, всплывшей на поверхность озера. Дама не ожидала, что та поблагодарит её столь горячо, и растрогалась до слёз. Черепаха, взойдя на берег, вздохнула:

— Какое было бы счастье, если бы у меня ещё и перестало зудеть под панцирем!

Госпожа Розенблюм улыбнулась:

— Я приглашаю вас ко мне. Меня вам нечего опасаться.

У себя дома она напоила гостью чаем с мёдом. Та пропотела, и зуд под панцирем прошёл. Когда дама принесла её назад в Тиргартен, Черепахе показалось: лишь сейчас она поняла, как он удивительно хорош. Она принялась рассказывать Зажигалке, Булочке и Шашлыку с Котлеткой о его красотах, и друзей неудержимо потянуло всё повидать.

К чему привёл скандал

Изо дня в день с рассвета до темноты длилось странствие. Компания открывала в обширном парке новые и новые очаровательные уголки. В самый зной выспишься, словно под высокой кровлей, под раскидистыми вечнозелёными кустами рододендрона, они цвели сейчас белоснежными, пурпурными и фиолетовыми цветами.

Можно поиграть в прятки среди зарослей садового бамбука, которые поднимаются островами, такими густыми, что и Зажигалке не пролезть меж стеблей. А как было весело догонять друг друга, бегая вокруг стволов стройных кипарисов, буков, каштанов.

Наигравшись, группка отдыхала поодаль от Большой Платановой Аллеи, как вдруг донёсся шум. Друзья прислушались: где-то разгорался скандал. Самой любопытной оказалась Котлетка:

— Посмотрим, что случилось?

Четверо пошли на шум и попали в тень рябин. Несколько дроздов скакали вокруг красавца гриба, который вовсю бранил их:

— Какой свинство! Так по-хамски вести себя!

Тут он увидел Зажигалку, Булочку и Котлетку с Шашлыком.

— Похож я на Шампиньона? — воскликнул горестно гриб. — Эти птицы роются в сухой листве, и на меня летят пыль и прочий мусор!

Он перевёл дух и произнёс гордо:

— Все шампиньоны являются на свет в белых пуловерах, но мой был самый белый! Он был белее свежевыпавшего снега! — в голосе Шампиньона вновь зазвучало страдание: — Взгляните, каков мой пуловер теперь. А ведь я приглашён на бал к королеве Луизе!

Четверо друзей уже и сами заметили, что наряд гриба покрыт пылью. Дрозды объяснили:

— Мы ищем еду для наших детей, они ждут в гнёздах голодные. А еда — жучки, пауки, червячки. Все прячутся под прошлогодними листьями. Как же нам не рыться в листве?

Что тут возразить птицам? Вдруг Зажигалке пришла мысль:

— Мой хозяин клал испачканную одежду в стиральную машину. У нас её нет, но вода-то рядом!

Шампиньон не сразу оправился от неожиданности.

— Отдать мой пуловер в стирку? Но вы же сами говорите — нет стиральной машины.

— Нам поможет Черепаха!

Зажигалка, её друзья и Шампиньон направились к озеру. Черепаха откликнулась на зов, выслушала, в чём дело, и объявила, что берётся за него. Шампиньон доверил ей свой пуловер, она тут же окунула его в воду.

Несчастье и удача

Поблизости проплывала под водой золотая рыбка. Она ещё не повзрослела и потому, как положено рыбам этой породы, пока была серой. Её донимало нетерпение.

«Подумать только, я должна дожидаться моего настоящего одеяния! — сердилась она. — Какое несчастье — носить серое, когда ты — золотая!

Заметив, что в воду погружается что-то раз за разом, Рыбка вся обратилась в зрение. Её живо заинтересовал пуловер. Черепаха усердно полоскала его, встряхивала над водой и вновь окунала. Вдруг кто-то вырвал пуловер из её лап. Она не растерялась, нырнула, но приметила только тень, быстро скользнувшую в глубину.

Однако озеро не зря было родным для Черепахи. Она знала под водой все потайные закоулки. И взялась в них заглядывать. Скоро она добралась до скрытого камышом углубления под берегом. Рыбка была там, она уже надела украденный пуловер.

— Как ты посмела забрать чужое?

Слова Черепахи не смутили Рыбку, она ответила:

— А кто позволил стирать в озере грязную одежду? В этой воде живу я и много другого народа.

Черепаха, желавшая устроить ей головомойку, поняла, что Рыбка права. Приходилось думать ни о чём ином, как об извинении.

— Я обещаю, что хозяин этой вещи извинится перед тобой.

Однако Рыбка ни в коем случае не собиралась расставаться с нарядом. Она находила, что пуловер ей весьма идёт. И чтобы отвязаться от Черепахи, заявила:

— Уж чего легче: за извинение получить вещь. Нет, нужен выкуп!

— Что ты хочешь?

В ответ раздалось:

— Самую жирную, самую лакомую личинку, какая только есть на свете!

Черепаха возвратилась к друзьям с неприятной новостью. Шампиньон, глядя на Зажигалку, сказал с горьким упрёком:

— Хорошего послушался совета! Мой пуловер был в пыли, но он у меня был. А что теперь?

Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка стали искать личинок на растениях, какие были им по росту. Попадалась мелочь. Шампиньон воскликнул со слезами:

— На балу у королевы Луизы будет столько одеяний, сколько гостей. Но я был бы первым в моём пуловере, белом, как свежевыпавший снег!

Его плач переполняло такое горе, что жалость взяла даже дроздов, которых он давеча бранил. Они тоже приступили к поиску нужной личинки. Дело, в каком они знали толк, так и спорилось. Вот птицы ковырнули край попавшейся ямки, и открылась норка. В ней таилась личинка редкостной величины. Увидевший её воробей расчирикался от восхищения. Мигом слетелись другие воробьи, заголосили:

— Лучше не бывает! Лучше не бывает!

Им принялись вторить синицы. Но дрозды оттеснили и тех и других от добычи.

— Эту личинку не стыдно поднести и королю! — гласило общее мнение.

Помощь предлагает обманщица

В кусте бузины, росшем тут же, скрывалось гнездо дроздов. Любопытный птенец высунулся на шум. Вот бы увидеть невиданную находку! Он так отчаянно вытягивал шею, что перевалился через край гнезда. Находилось оно невысоко, да и птенец был уже не так мал, он вовсю замахал крылышками и приземлился мягко. Но взлететь сил не хватало, он оказался на земле совсем беззащитным. Неровён час его поймает пробегающая собака или схватит ястреб. А ночью он попадётся сове, да и лисы водятся в Тиргартене.

Родители в тревоге скакали вокруг малыша, прикрывали его крыльями, но подхватить и вернуть его в гнездо они не могли. Остальные птицы, Зажигалка, её друзья, Черепаха не знали, как помочь, и с состраданием беспомощно слушали жалобы бедных дроздов.

Вдруг кто-то сказал:

— Я могу отнести его в гнездо.

Все увидели Белку, скакнувшую к кусту бузины. Булочка, Шашлык и Котлетка всполошились:

— Это та самая!

Они рассказали, как Белка заманила их на плот и безжалостно бросила посреди озера под палящим солнцем.

— Не верьте Белке! — повторяли все трое.

Но та заявила с твёрдостью:

— На этот раз я не лгу! Я вправду хочу спасти птенца!

Белку не отличала злобность. Теперь, когда ей было ясно, что Шашлык, Котлетка и Булочка не станут её добычей, неуёмная алчность отступила. Почему не сделать доброе дело? Она сказала:

— Я хочу заслужить прощение за обман.

Родители птенца доверились ей. Всем известно — белки не едят птиц. И, кроме того, что ещё оставалось?

Верность другу

Белка приблизилась к выпавшему из гнезда птенцу и попросила не бояться её. Затем она повернулась к родителям-дроздам:

— Пожалуйста, положите личинку туда, где она лежала.

Птицы от удивления раскрыли клювы, Котлетка переглянулась с Булочкой, Шашлык хмыкнул, а Зажигалка спросила Белку:

— Но почему?

— Потому что мне очень дорога её жизнь.

Белка объяснила: эта личинка из тех, которые превращаются в ночных бабочек — мотыльков.

— Когда я в моём дупле ложусь спать, Мотылёк, единственное существо во всём Тиргартене, желает мне спокойной ночи. А на заре он шелестит крылышками и говорит: «С добрым утром тебя!» Я рада, что он остаётся до темноты в уютном уголке моего дупла.

Белка умолкла, и родители птенца тут же возвратили личинку в норку, где её нашли. Они не могли дождаться мига, когда их малыш окажется в гнезде. Все поторапливали Белку, и только Шампиньон негодовал:

— А моя потеря никого не волнует? Верните мне мой пуловер!

Зажигалка подошла к нему, попыталась его утешить:

— Верь мне, я с тобой в твоём горе.

Эти слова услышала Белка:

— Но только не обвиняй меня. Вспомни, как ты спасала Булочку и Котлетку с Шашлыком. Так же и я спасаю моего друга. Или у меня нет права?

— Ну, конечно же, есть! — заверила её Зажигалка.

Шашлык, Котлетка и Булочка обступили несчастного Шампиньона:

— Тебя никто не обижает. Тебе жаль наряда, но разве не жалко беспомощную птичку? Пусть она живёт и научится летать!

Но Шампиньон словно не слышал.

— Без моего пуловера мне не быть на балу у королевы Луизы. А там будут все грибы Тиргартена, даже дождевики.

Как пошутила Рыбка

Зажигалка представила ночные огни празднества, королеву Луизу, радостное настроение всех гостей. О, до чего велико горе Шампиньона, который не может быть там!

— Бедный, мне так жалко тебя! — у Зажигалки хлынули слёзы.

И как остро запахло бензином. Все птицы взлетели на деревья. Хорошо, что Белка уже отнесла птенца в гнездо.

Булочка и Котлетка вскричали, что от смрада сейчас упадут в обморок.

— Её слёзы невыносимы!

— Я крепче вас, но даже мне плохо, — хрипел Шашлык. Он задыхался.

Все трое повторяли: что сделать, чтобы Зажигалка перестала плакать? Высказалась Черепаха:

— Если Рыбке объяснить, почему ей не принесли личинку, она и так отдаст пуловер.

Черепаха нырнула в озеро. Рыбка уже больше не пряталась, а, наоборот, показывала одеяние подводным жителям. Она поворачивалась так и эдак под их взглядами. И услышала от нового зрителя:

— Тебе не стыдно хвастать чужим нарядом? Его хозяин вот-вот умрёт от горя. От жалости к нему плачет Зажигалка, а её слёзы — бензин! Его запаха не выносят Булочка, Шашлык и Котлетка, у них удушье.

Рыбка вновь повернулась перед зрителями, чтобы они ещё раз оглядели пуловер на ней.

— Где выкуп? — задала она затем вопрос Черепахе.

Та рассказала с жаром: удалось найти столь удивительно крупную и жирную личинку, каких, должно быть, ещё никто никогда не находил! Но её возвратили в её убежище, чтобы Белка спасла птенца, бедняжка выпал из гнезда.

Рыбка, которая так вся и затрепетала при первых словах Черепахи, чуть не лопалась от злости:

— Не принести мне мою самую лучшую на свете личинку! Что за бессовестное издевательство!

— А ты хотела бы, чтобы несчастный птенец остался на земле? Чтобы его сожрала собака или лисица?

Черепаха и Рыбка обвиняли и стыдили друг друга.

— Нельзя радоваться чему-то, если из-за этого страдает другой!

— А мне, значит, можно страдать без пуловера и вкусной личинки? — раздалось в ответ.

— Если я не принесу пуловер, Зажигалка не перестанет лить свои горючие слёзы, — понуро пробормотала Черепаха.

Рыбка произнесла с невинным видом:

— А что если бы она нырнула? Она увидела бы, как я хороша в пуловере, и сразу перестала бы плакать.

Уже не до шуток

Расстроенная Черепаха поплыла прочь, как вдруг её заставило обернуться какое-то сильное движение в воде. Что-то тёмное охватило Рыбку и утянуло наверх. Страх пронизал Черепаху. Скорее нырнуть поглубже и затаиться на дне! Но она не поступила так. Борясь со страхом, она подалась к поверхности, осторожно выглянула из воды.

В озере у берега стоял знакомый ей детина, на сей раз — в болотных резиновых сапогах выше колен. Он держал обеими руками бамбуковый шест с подвешенной к концу сетью в виде корзины. В ней билась Рыбка. Браконьер, довольно ухмыляясь, воскликнул:

— Есть одна! Ещё с дюжину таких, и у меня будет отличная уха!

Черепаха тут же ушла под воду. Те, кто нетерпеливо ждал её, узнали о поведении Рыбки и о том, что она попалась браконьеру.

— Не захотела отдать мой пуловер? — Шампиньон трясся всем телом от гнева. — Так поделом ей!

Котлетка и Булочка согласились с ним, но Черепаха возразила:

— Я думаю иначе. Рыбка в той же беде, в какой недавно была я. Этот тип хочет сварить из неё суп.

Шашлык вдруг обнял Котлетку:

— Любовь моя, сколько моих братьев шашлыков было съедено! И потому когда я слышу, что кого-то хотят съесть, я не нахожу себе места от сострадания.

— Так чего же мы тогда ждём? — вскричала Зажигалка. Она больше не плакала. — Только бы не опоздать! — и обратилась к дроздам, воробьям, синицам: — Ищите старушку в шляпке с цветком! Она может быть недалеко.

Птицы разлетелись на поиски госпожи Розенблюм. А Зажигалка, Шашлык с Котлеткой и Булочка поспешили за Черепахой к месту, где она видела браконьера. Шампиньон проводил уходящих словами:

— Не забудьте забрать мой пуловер! Я пошёл бы с вами, но не могу же я идти в нижнем белье. Это неприлично.

Привет Шампиньону

Над водой склонялись синие цветы береговой вероники. Друзья, прячась под ней, шли вдоль берега. Веронику сменила невысокая, но густая трава, в ней лежал пластиковый мешок, и было видно, что он не пустой. Подобравшись к нему поближе, друзья увидели впереди спину детины, стоящего в воде. Он наклонился, запуская поглубже сачок на длинном шесте.

Черепаха, не теряя времени, устремилась к мешку. Крепко сжав челюстями его край, она попятилась, таща мешок за собой. Меж тем Съем Всё раз за разом погружал в воду сачок, предвкушая: сейчас в нём затрепещет рыбина!

А пойманная Рыбка, которую Черепаха за хвост уже вытащила из мешка, предстала перед компанией.

— Отдашь пуловер?

Рыбка развела в стороны плавники:

— Конечно, раз он вам так нужен. Мне бы только в воду поскорее.

Она принялась стаскивать с себя пуловер. Зажигалка с радостью помогала ей:

— Ты исправилась!

— Поспешим, пока тип не заметил пропажу — Черепаха снова держала Рыбку за хвост. Шашлык подсунул под неё обломок ветки, за другой его конец взялись Котлетка и Булочка, а Зажигалка ухватила Рыбку за голову:

— Раз, два, три!

Живую ношу приподняли, и Черепаха попятилась к озеру. Процессия не останавливалась, пока задние ноги Черепахи не оказались в воде. Последнее усилие друзей — и Рыбка соскользнула в воду. Спустя минуту счастливица показалась на поверхности озера:

— Мой привет хозяину пуловера!

Чудеса с кошельком

Тем временем птицы увидели госпожу Розенблюм, сидящую на скамейке, и с громким щебетом запорхали вокруг, а одна синица села на её новую шляпку. Старушка стала доставать из сумки пакетики с кормом. Её знают все живущие в парке птицы: малиновки, зяблики, вьюрки, поползни, щеглы, трясогузки. И кто только ещё не подлетает к ней! Потому пакетики всегда полны семечками подсолнухов, овсяными хлопьями, дроблёными арахисом и миндалём, просом, пшеном, рисом. На сей раз, однако, от госпожи Розенблюм ждали не угощения. Дрозды сказали: кто-то поймал Рыбку.

Пожилая дама в волнении встала со скамейки:

— Где это случилось?

Воробьи зачирикали:

— Тип там! Тип там!

Перелетая с куста на куст, они повели госпожу Розенблюм к месту, где Съем Всё запускал в озеро сачок. Добыча больше не попадалась, и он был зол, как вдруг словно какая-то тяжесть задержала движение шеста. Браконьер потянул сильнее, и тут же шест с лёгкостью поднялся, выхватив из воды сетчатую корзину, в которой опять ничего не было.

На дне озера посмеивалась Черепаха. Это она придержала сеть, а потом выпустила её. Но алчный Съем Всё думал своё: «Какая здоровенная рыбина едва не досталась мне!» Вместе с ругательством у него вырвалось:

— И сумела же уйти!

В этот миг вокруг него и над ним защебетали птицы, и голос, который он узнал, спросил:

— Что тут делается?

К озеру подошла пожилая дама, чьё лицо не светилось приветливостью. Она пристально смотрела на браконьера, стоящего в болотных сапогах в воде.

— У меня из кармана выпал кошелёк, и я достаю его со дна, — сказал тот, не моргнув глазом.

— Удивительно, — произнесла госпожа Розенблюм без всякого удивления. — Шест, который вы держите, длиной метра три. Я никогда не слышала, чтобы кошелёк, если он выпадает из кармана, отскакивал на три метра.

У детины щёки побелели от злости, но нос оставался по-прежнему красным.

— Вы хотите сказать, что я лгу? — вскричал Съем Всё с развязностью отпетого наглеца.

— Я хочу сказать, что надо бы вызвать полицию, — вымолвила госпожа Розенблюм самым мягким голосом, каким только могут говорить добрые пожилые дамы.

— У человека выпал из кармана его собственный кошелёк, и кто-то уже хочет вызвать полицию! — тип, словно недоумевая, покачал головой. — Если так отрывать полицию от работы, преступники разгуляются, — добавил он, спеша убраться со своим сачком.

Красота пропала безвозвратно?

Из-под кустов появились Зажигалка, Булочка, Шашлык и Котлетка, из озера вышла на берег Черепаха. Госпожа Розенблюм наклонилась, друзья рассказали ей о пуловере и о Рыбке. До чего же им было приятно услышать похвалу:

— Как я рада, что вы спасли Рыбку! — воскликнула госпожа Розенблюм.

И тут же все отправились к Шампиньону, который, пожалуй, уже и не надеялся увидеть свой пуловер. Его несла на костяной спине Черепаха.

Гриб узнал от птиц, что друзья торопятся к нему не с пустыми руками, и затанцевал.

— Счастье всё ближе, ближе! — восклицал он.

И чуть не упал в обморок, когда перед ним оказался его наряд.

— Что вы мне принесли? Он грязнее, чем был до того, как я отдал его стирать!

На дереве застрекотала Сорока:

— Не угодили, а? Какой избалованный гриб! — затем она добавила: — А пуловер и впрямь буро-зелёный. Тряпка да и только.

Черепаха чувствовала себя виноватой:

— Как я старалась выстирать его!

— Не кори себя, — сказала ей госпожа Розенблюм, — ты не знала, что белое так просто не стирают — белизна теряется.

Шампиньон рыдал. Силы оставили его. Он проговорил еле слышно:

— Во всём мире нет гриба несчастнее меня. Где прекрасная пора, когда я был в моём пуловере? Почему время не повернёт вспять…

Собравшийся постучать по старой осине дятел разобрал слово «время» и взлетел на дуб, в чьём стволе были устроены часы для обитателей Тиргартена. Часы находились за дверцей из коры. Дятел открыл дверцу и объявил:

— Три часа пополудни.

— Уже три! — вырвалось у Шампиньона. — Все приглашённые к королеве примеряют наряды перед зеркалами. И лишь один я… — рыдание не дало ему договорить.

Госпожа Розенблюм попросила его успокоиться.

— Вы увидите, что ваше горе не так уж страшно. Но мне нужно взять ваш пуловер домой.

— Что вы хотите с ним сделать? — вымолвил Шампиньон разбитым голосом.

— Всё сделает стиральная машина.

Улыбка её величества

Ожидая, когда вернётся госпожа Розенблюм, гриб чуть не каждую минуту спрашивал у Дятла время. Тот перестал закрывать дверцу часов и сидел возле них на стволе дуба. С ветви на ветвь перескакивала Сорока и донимала Шампиньона:

— Зачем так волноваться? Она придёт вовремя. — Однако тут же добавляла: — А если она придёт слишком поздно?

Зажигалка и Черепаха, Шашлык, Котлетка и Булочка, Белка, Дятел, другие птицы — все нетерпеливо дожидались госпожу Розенблюм. А вдруг она в самом деле опоздает?

Когда донеслись шаги, голоса смолкли. Зашуршала трава, зашелестели кусты. Пожилая дама приблизилась к грибу. Наклонившись, она протягивала ему его наряд. Глядя на него, Шампиньон зажмурился, и прошла целая минута, прежде чем он снова стал рассматривать пуловер.

— Безупречная белизна! — он подпрыгнул бы, как заяц, если бы не был грибом.

Ему уже не терпелось показаться на балу, и он теперь непрестанно спрашивал Дятла, не остановились ли часы.

Наконец стемнело. Остров Луизы, на который ведут три моста, озарило волшебное сияние светильников, налитых ароматным маслом. Перед пьедесталом, на каком стоит молодая прекрасная королева, появились празднично накрытые столы. По пожеланию её величества на воду были спущены плоты с кушаньями для всех тех, кто живёт в озёрах и протоках Тиргартена.

Позади пьедестала открылся ход, до того скрываемый раздвижными плитами, и из покоев подземного дворца стали выходить придворные дамы и кавалеры. Пьедестал же делался ниже и ниже, плавно погружаясь в землю. Ещё миг, и королева Луиза в приподнятом настроении ступила на площадку, более обворожительная, чем всегда.

Сколько гостей собралось на острове! Её величеству кланялись Герцогиня Грациозных Ос, Граф Бабочек, Баронесса Тюльпанов и иные сановитые особы, каждую сопровождало множество родственников. Пришли на бал тоненькие голубые ёлочки и деревце ауреа, чья янтарная хвоя вскоре должна обратиться в светло-зелёную. Каких только не было одеяний!

Королева, конечно, уже давно привыкла и к пышности, и к скромности, вряд ли её можно было удивить. Однако когда невдалеке показался Шампиньон, взгляд её величества остановился на нём. Гриб и раньше бывал здесь на балах, но подобного не случалось.

— Подойдите ко мне, мой дорогой, — произнесла королева. Ей успели рассказать историю с нарядом, но она не подала вида, что знает её. — Какой на вас изумительно белый пуловер! Белее, чем взбитые сливки. Белее, чем утренний свежевыпавший снег! — и королева ослепительно улыбнулась.

Блестящая пара

Слова, улыбка её величества вызвали у Шампиньона такое головокружение, что он поразился, почему не падает, а продолжает стоять. Затем он склонился перед королевой так, что его шляпка прижалась к земле.

— Я не встану прямо, пока вы мне не прикажете!

— Я приказываю, — сказала королева веселясь, и все вокруг возликовали, словно вообразить не могли ничего более остроумного и приятного.

А Шампиньон мгновенно выпрямился, глянул по сторонам и бросился к жабе, которая встретила его холодным взглядом.

— Станцуем? — спросил он и, не получив ответа, стал самозабвенно отплясывать перед ней.

Тут королева сделала знак, и придворные представили ей новых гостей. Это были Зажигалка, Шашлык, Котлетка, Булочка, а с ними Черепаха, Белка и пара дроздов — родителей спасённого птенца. История с пуловером требовала увеличить число приглашённых. И, таким образом, увеличилось число почитателей королевы Луизы. Могло ли быть иначе при её приветливости? Каждый впервые попавший на бал услышал от неё что-либо ласковое.

А потом вдруг по всему острову разнеслось:

— Ах!!!

Придворные и гости столпились на берегу рядом с мостом: по поверхности озера описывала круги блистающая золотом Рыбка. Слуги сказали: только что они бросали ей корм и она была обыкновенной рыбкой, едва видной в свете факелов.

Обладательница золотого одеяния не верила, что наконец-то произошло то, чего она так страстно дожидалась. Голоса убедили её — она не грезит, её чешуя сделалась золотой.

Королева, стоя на берегу, произнесла:

— Вам помогут выйти из воды.

Слуги исполнили пожелание — и что тут случилось! Радость, что она перестала быть серой, окрылила Рыбку. Она поднялась на хвосте и смогла не только стоять, но и переступать. И весьма ловко! Королева, благосклонно кивнув, сказала:

— Сегодня один из кавалеров необыкновенно блистает белизной наряда.

Шампиньон тут же оставил жабу и очутился подле её величества.

— Но сколько блеска прибавила балу юная дама! — заключила королева Луиза.

Заиграл оркестр. Шампиньон пригласил Рыбку на танец, и все залюбовались парой, исполняющей танго. Одна только Жаба мысленно бранила себя: «Ах, почему я давеча не пустилась в пляс с таким кавалером?» Она будет долго рассказывать знакомым, что слишком верна приличиям и не позволила себе танцевать, когда музыка ещё не заиграла. Оттого успех и выпал Золотой Рыбке.

У кого-то своя радость

Музыка смолкала лишь ненадолго, никто на балу не чувствовал усталости, веселью не было границ. Однако небо начало светлеть, и королева Луиза снова оказалась на своём постаменте, придворные скрылись в подземном дворце, гости разошлись.

Зажигалка, Булочка, Шашлык и Котлетка остались на острове, заснув под деревом на постелях из мха. Их разбудил шум: начали рабочий день служители, чьё дело — уход за Тиргартеном. Укрепить с помощью троса толстый сук, чтобы не обломился в бурю, удалить сорняки с клумб, подстричь траву, включить поливальные устройства, когда долго нет дождя, — это всё заботы служителей.

Сегодня они чистили водоёмы, сгребая со дна гниль, в которую превратились упавшие в воду ветки и листья. Грабли зацепили и Нож, заброшенный в озеро рассвирепевшим приятелем по прозвищу Съем Всё. Служитель не отличил облепленный илом Нож от мусора, вместе с каким его выгреб.

Укрощая порывы радости, счастливчик не шевельнулся до тех пор, пока никого не стало рядом, и лишь тогда выбрался из кучи гнилья, скользнул в траву. Убежав подальше, туда, где трава выше и гуще, он принялся о неё и о землю счищать с себя ил. Пролетавшая стороной Сорока развернулась и села на ближнее дерево.

Вскоре дрозды, Белка, а там Зажигалка и её друзья уже знали: в Тиргартене вновь появился Нож.

— Пусть попытается кому-то причинить зло! Мы созовём всех, — заявила Зажигалка. — Но нам надо быть поблизости от него.

— А если он нас заметит? — возразила Булочка. — Я не хочу, чтобы он разрезал меня на кусочки!

— И я тоже не хочу! — воскликнула Котлетка, готовая заплакать.

Зажигалка старалась успокоить подруг:

— Мы не станем чересчур приближаться к нему. Птицы и другие наши друзья будут сообщать нам, где он.

— Пусть сообщают почаще! Расстояние между ним и нами должно быть достаточным, — сказал Шашлык. — Я могу рисковать собой, но не жизнью дам.

Компания, покинув Остров Луизы, двинулась в ту сторону, где в последний раз был замечен Нож.

Он между тем придумывал, как вознаградить себя за то, что ему пришлось потомиться в иле под водой. Подсекать цветы, надрезать кору липок и берёзок? Неновое и слишком простое развлечение. К тому же понятно: довольно скоро тебя остановят. А придётся спасаться — тогда уж будет не до выдумок. И потому, таясь то в зарослях, то за упавшим деревом, он наблюдал жизнь зверушек. Авось что-то подскажет, какую гадость устроить.

Не знал покоя и Съем Всё. Бродя по огромному парку, он надеялся, что ему удастся тайком расставить силки на кроликов или накрыть сетью крупных лесных голубей, таких жирных и беззаботных в Тиргартене.

Пришёл момент, когда старые знакомые встретились. Нож увидел браконьера, пересекавшего полянку. Тот не находил уголок, где можно было бы без помех устроить западню, и остановился угрюмый. Тогда Нож, прятавшийся в репейнике, выскочил из своего укрытия и направился к детине. По его виду догадываясь, как тому не везёт, он желал позлорадствовать. А того уже распирала ярость:

— О чёрт, ты опять передо мной!

Нож отбежал в сторону:

— А ты думал, что похоронил меня? Ха-ха-ха! А ну скажи, сколько дичи ты добыл, пока меня не было?

Съем Всё принялся гоняться за ним. Нагнав, надо было ещё и нагнуться — тут-то противник и уворачивался.

— Ты больше не схватишь меня за рукоять! — ныряя в траву, Нож добавлял: — Удачливый охотник!

Потом вдруг, когда Съем Всё снова был над ним, он злобно прошипел: — Порежу пальцы! — и так ткнул вверх лезвием, что тип едва успел отдёрнуть пятерню.

— Ничего! Ты уже раз побывал у меня в руках, будешь и в другой, — детина, обливаясь потом, сел на траву.

Выследить и украсть

Нож испытал превеликое удовольствие оттого, как ему удалось отомстить за себя. «Это ещё не всё, — думал он. — И поиграю же я тобой!»

Детина глядел на него с бессильной злобой.

— А я был твоим верным другом, — сказал Нож, словно грустя и сожалея.

— Чёртов врун!

— Благодаря мне ты мог бы неплохо поесть. Вспомни, что была за еда.

Съем Всё облизнулся:

— Свежая булочка, сочная котлетка и шашлык — такой горячий, словно только что с угольев… Но начались фокусы, — прорычал тип, — я ничего даже не попробовал! И ты распорол мне штанину!

— Я не хотел этого! — вскричал Нож визгливо и растерянно, потому что на сей раз не врал. — Ты не заметил, что твой стаканчик с водкой опрокинула зажигалка. Она спрыгнула с пня, я погнался за ней, она нырнула в твою штанину, я следом…

— Враньё! — рявкнул Съем Всё.

Ему, однако, вспомнилось: ведь и вправду зажигалка опрокинула стаканчик, и тогда он хлебнул из бутылочки.

— Все только и делают, что вредят мне! — он вертел в руках свою зажигалку, щёлкал ею, дул на пламя.

Ничего необычного не замечалось, ровным счётом ничего. Неужели эта послушная вещица так над ним издевалась?

— Закинь её в озеро подальше и пользуйся спичками, — посоветовал Нож.

Съем Всё решил, что так и поступит, но для вида осыпал приятеля ругательствами. Тот помолчал и сказал спокойно:

— Я видел — недалеко отсюда лиса поймала кролика. Если бы его поймал ты, то, наверно, приготовил бы на славу! Сидишь за столом, а перед тобой — наперчённый тушёный кролик с чесноком…

Чревоугодник зажмурился, невольно представляя кушанье. Нож проговорил вкрадчиво:

— Ты видел, как здесь собаки гоняются за кроликами…

— Это не всерьёз, хозяин всегда отзывает пса.

— А ты не отзовёшь — пусть поймает добычу, — сказал Нож. — Людей с собаками гуляет много, собаки иногда отбегают от хозяев довольно далеко. Мы выследим и украдём подходящую.

«Хитро придумано, почему бы не попробовать? — сказал себе Съем Всё. — Сколько можно глядеть на здешнюю живность и страдать?»

Но он заставил ещё долго уговаривать себя.

Друг недоверчив

Съем Всё и Нож провели целый день в упорном занятии. Облюбовав собаку, держались вблизи: вот-вот она скроется с глаз хозяйки или хозяина, и они подманят её… Удача улыбнулась им на второй день.

Молодой человек вёл рыжего пса, который то и дело натягивал поводок, порываясь помчаться куда ноги понесут.

— Глупый непоседа, ещё не вышел из детского возраста, — насмешливо сказал Нож. — Как только спустят с поводка — вмиг окажется далеко. Надо постараться, чтобы не вернулся.

— Хорошо, что он молодой: легче дрессировать, — хрипло прошептал Съем Всё. — Я сделаю его злее дикого зверя!

— Ха! Он станет сжирать кроликов, а не приносить целеньких.

— Узнает, что такое дубинка в моих руках, и будет исполнять всё, как я хочу!

Так разговаривая, приятели не отставали от парня и его рыжего пса. Те поравнялись с лугом, где молодые люди играли в волейбол. Хозяин собаки узнал знакомых, окликнул. Его пригласили играть, но пёс кинулся в сторону, натянув поводок.

— Отпусти его порезвиться! — крикнули парню.

— Я не собираюсь потом бегать по парку и звать его, — он привязал рыжего к дереву у края луга и через несколько минут уже не замечал ничего, кроме волейбольного мяча.

Двое, прячась в кустах, подкрались поближе к дереву.

— Пора, — прошептал Нож.

Съем Всё расстегнул рюкзак, с которым не расставался. В нём сверху лежали сосиски — не меньше двух килограммов. Детина покосился на приятеля, тот осклабился:

— Этой приманки с лихвой хватит на двадцать собак.

— Вот ещё! Если я скормлю сосиску кому-то, надо будет сразу насытить мой желудок. Иначе он скукожится от обиды, — Съем Всё нежно погладил своё брюхо.

Нож скрыл усмешку, но не пересилил любопытство:

— Ты будешь есть сосиски сырыми?

— А ты не видишь, что это отличные венские сосиски? — ответил вопросом приятель. — Сырыми так и просятся в рот! — проглотив слюну, он добавил: — Нечего псу скармливать целую, хватит ему половинки, — и взял Нож за рукоять.

Тот только и подумал: «Вот это жадность!» Он видел в рюкзаке здоровенную сковороду.

— Ты собрался тут же жарить кролика?

— Почему нет? Сколько народа жарит в Тиргартене шашлыки, отбивные… — разрезав сосиску пополам, Съем Всё не выпустил Нож из руки. — Сковорода у меня очень хорошая…

— Чем же она так хороша?

— Тем, что тяжёлая, — сказав это, приятель засунул Нож на дно рюкзака и придавил его сковородой.

Тот прошипел чуть слышно:

— Я тебе верил, как самому себе…

— Значит, я умнее тебя. Забочусь, чтобы не было фокусов, как в прошлый раз, — ответил Съем Всё. — Если ты мне друг, полежи спокойно, пока дельце не будет обделано. — Взяв кусок сосиски и, держа несколько сосисок в другой руке, он направился к псу, который изнывал на привязи.

С дерева слетела Сорока, она не упускала двоих из виду и всё поняла. Первой узнала от неё новости Белка. Тут же Сорока передала их Зажигалке и её друзьям, они поспешили к рюкзаку.

Тем временем браконьер, следя за игравшими в волейбол, старался расположить к себе рыжего пса. Сосиски очень даже привлекли того, но тип, который их принёс, не нравился. И рыжий, усевшись, не двигался с места, хотя высунул язык и не отрывал глаз от приманки. Тогда Съем Всё протянул половинку сосиски к его носу. Пёс не вынес соблазна, кинулся, рванув поводок, но лакомство ускользнуло от него. Детина злорадно ухмыльнулся.

Он не мог долго держать в руках снедь и принялся за сосиску, половинку же положил наземь. Пусть собака любуется досыта, а он в это время отвяжет поводок от дерева… Но только он собрался это сделать, рыжий зарычал. Кому по вкусу издевательства? Съем Всё испугался, что он ещё и залает, и лёг в траву: не увидали бы с луга.

А Зажигалка, Шашлык с Котлеткой и Булочка были уже возле рюкзака. Опередившая их Белка успела заглянуть в него:

— Нож придавлен сковородой и не может шевельнуться.

— Прекрасно! — прошептала Зажигалка. — Я заберусь в рюкзак и увижу, кто там ещё. Не все захотят служить хозяину, когда узнают, чем он занят.

— Вы не будете рисковать в одиночку! — сказал Шашлык и последовал за Зажигалкой.

Нож в панике

Рюкзак и лежавшие в нём вещи услышали: их хозяин сейчас сманивает чужую собаку. Нож, хрипя под тяжестью сковороды, проклинал Зажигалку, а она увидела перед собой спичечный коробок и обратилась к нему:

— У нас с вами одно дело и одна участь: дай огня и всё тут! Слышите, как мне достаётся? А не бывает, что о вас ломают спички?

— Бывает, коллега, — согласился Коробок.

— Дружок твоего хозяина пока может лишь ругаться. Но когда его освободят, сколько зла он натворит! Ведь он такой острый! Ах, если бы я знала, как его обезвредить.

— Я знаю, что когда меня скребут кухонным ножом, нож тупится, — сказала Сковорода.

— Но я и Шашлык не в силах скрести тебя Ножом, — чуть не плакала Зажигалка.

Заговорил Спичечный Коробок:

— Я полон спичек, и головка каждой из них способна вызвать огонь огромной силы. Так неужели они вместе ничего не придумают?

Спички быстро посовещались, выскочили из своего домика и сказали, что делать. Сковорода, передвинувшись, налегла на рукоять Ножа так, что лезвие немного приподнялось. Спички и Зажигалка прижали Коробок к краю лезвия той стороной, которая покрыта серой и шершава, и принялись двигать вверх-вниз. Раздавался скрежет, с Коробка сыпалась сера, а Нож становился всё тупее. Сковорода крепко придавливала его рукоять, и он лишь бессильно хрипел:

— Какая жестокость! — и звал на помощь.

Но его голоса не было слышно уже в двух шагах от рюкзака. В нём, пока спички и Зажигалка делали своё дело, Шашлык говорил с сосисками.

Участь нерешительных

Их сёстры в это время исчезали в пасти детины. Несколько раз он хотел было, подкравшись к псу, отвязать его от дерева, но рыжий рычал. «Так и быть, — решил, наконец, Съем Всё, — я дам тебе сосиску. Ты, конечно, с ней мигом расправишься, но я успею перерезать поводок Ножом».

За каждым движением жулика следила Сорока, она застрекотала: тип приближается! Спички за несколько секунд набились в Коробок, Зажигалка и Шашлык выскочили из рюкзака и спрятались в траве.

Подошедший Съем Всё услышал какое-то сипение. Оказалось, его издавал Нож. Извлечённый из-под Сковороды, он выдавил сорванным голосом:

— Проклятая Зажигалка и спички затупили меня…

Съем Всё давеча бросил свою зажигалку в озеро и потому подумал: дружок мстит за знакомство со Сковородой и пытается заморочить ему голову.

— Заткнись, дурак! — рявкнул детина.

Сосиски, которые он брал с собой, были съедены, он взял ещё пару и пошёл назад к собаке. Отправив сосиску в рот, сунув вторую псу, он схватил поводок, натянул и провёл по нему Ножом. Поводок остался цел. Съем Всё вновь и вновь пытался перерезать его, но лезвие лишь скользило по нему. Оттого что поводок тянули и дёргали, пёс, уже проглотивший сосиску, залаял. Жулик пригнулся.

Приходилось спешно убираться к своим вещам. Нож в его руке визжал:

— Я не обманул тебя!

— Это твой новый фокус, и ты поплатишься за него! — раздалось в ответ.

Вдруг детина топнул ногой: от рюкзака тянулась шеренга спичек, пропадая в траве.

— Не уйдёте! Переломаю всех вас до одной! — не успел он это выкрикнуть, как увидел хвост второй шеренги: от него убегали и сосиски.

Ничего невыносимее не могло ему и присниться. Заткнув Нож за пояс, он бросился за ними, принялся подхватывать их и пожирать.

Беглянок сгубило промедление. Шашлык сказал, как ему, Котлетке и Булочке привольно живётся в Тиргартене, а сосиски, вместо того чтобы бежать не раздумывая, потеряли драгоценное время. Неужели, мол, можно жить-поживать, вместо того чтобы задать работу хозяйским челюстям? Шашлык, который превосходно чувствовал себя на свободе, убедил их, но потерянные минуты сыграли роковую роль. Успей сосиски скрыться в траве, Съем Всё хватился бы их гораздо позднее, им удалось бы рассыпаться в зарослях и попрятаться. Теперь же он находил их одну за другой.

Съеденного оказалось чересчур много даже для него. Он не понёсся вслед за шеренгой спичек, а, отдуваясь, медленно пошёл тяжёлым шагом.

Впереди шеренги дюжина спичек и Зажигалка несли Коробок. Они торопились, как могли, и перевели дух, подойдя к росшему у озера могучему суковатому дереву. Несколько ветвей, далеко протянувшись, клонились к самой воде. Зажигалка указала на одну из них:

— Там он нас не достанет. Он поймёт: ветвь не выдержит его тяжести.

Сорока с зеркальцем

Спички уселись длинным рядом на ветви, от её середины до тонкого конца, где устроились Зажигалка и Коробок. Съем Всё, искавший беглецов в зарослях, остановился под деревом и увидел их. Добраться до них было невозможно, и он впал в бешенство, выхватив из-за пояса Нож.

— Вон я вижу зажигалку! Она, как и ты, выбралась со дна. Вы с ней вовлекли других в ваши козни.

— Нет! — закричал Нож. — Поточи меня и срежь ветвь!

Съем Всё сказал себе, что сам как раз и хотел это сделать. Он нашёл выступающий из земли камень, лезвие заскрежетало о него.

Из камыша, притаившись на кромке берега, за детиной следили Шашлык, Котлетка и Булочка. Они бросали взгляды и на беглецов на ветви, переживая за верную храбрую подругу Зажигалку. А кругом царил покой, и солнце было таким же жарким, как в тот день, когда трое изнывали на плоту посреди озера.

Скрежет прекратился. Съем Всё коснулся лезвия пальцем и решил, что оно уже достаточно острое. Взяв Нож в зубы, детина стал взбираться на дерево.

Он встал на сук, дотянулся руками до ветви, на которой спасались беглецы. Спустя секунду в кору врезалось сверкнувшее лезвие, зарубка неумолимо углублялась. Съем Всё крикнул со смехом:

— Спички, какое удовольствие вас ждёт! Ваши головки размокнут в воде, а вскоре вы останетесь и вовсе без них!

— Друзья, не покажем, что мы боимся его, — прошептала Зажигалка, и это было передано по всему ряду.

Спичечный Коробок воскликнул:

— Эй, хозяин, мы никогда не будем служить тебе!

Спички, сколько их было, дружно, как одна, повторили слова Коробка. Съем Всё яростно резнул ветвь — вдруг он зажмурился, ослеплённый. На противоположном берегу озера, на молодом буке, сидела Сорока: держась за ветку одной лапкой, она другой держала зеркальце и пускала солнечный зайчик в глаза детине. Теперь он приоткрывал их лишь на миг, чтобы попасть лезвием в зарубку. Это не всегда удавалось. Он нащупывал зарубку свободной рукой, порезал палец — каких только имён не удостоился Нож!

А по озеру скользил плот Белки, которая умело работала веслом. Плот замер под низко склонившимся концом ветви, где сидели беглецы, и Белка помогла Спичечному Коробку и Зажигалке сойти на свой корабль. Когда на нём поместились и все спички, она направила его к укромной гавани. Сюда по берегу подошли Шашлык, Котлетка и Булочка.

До них долетали ругательства. Съем Всё, которого Сорока не переставала донимать солнечным зайчиком, не подозревал об исчезновении беглецов. Стоя на суку, он бранил дружка и пытался глубже надрезать ветвь. Подумав, что её, пожалуй, уже можно обломить, он сунул Нож за пояс и надавил на неё рукой. Ветвь немного поддалась. Он надавил изо всех сил — раздался треск, и, не удержав равновесие, дебелый детина вместе с ветвью рухнул в озеро.

Шум был такой, что стаи уток всполошённо взмыли с воды. Полный пассажиров корабль Белки несколько раз приподняло на волнах. Он уже приближался к пристани, и камыш скрыл его, когда над водой показалась голова типа, которому во второй раз доводилось купаться поневоле. На его счастье, он опять достал ногами дно. Едва опомнившись, завертел головой: перед ним плавала ветвь, но где же спички и Коробок? Он не мог сразу же утонуть, а уж спички — и подавно! Так хотелось полюбоваться, как они мучаются в воде…

Сбитый с толку Съем Всё вылез на берег, кривясь от клокочущей злобы. Он сорвал её на Ноже, выкопав им яму:

— Мерзавец! И ты ещё визжишь, будто невиновен в чертовщине?!

Швырнув Нож в яму, он засыпал её землёй, которую долго яростно утаптывал.

Похищение Булочки

Белка пригласила спасённых к себе. Спички и Коробок остались у неё жить, а Зажигалка поблагодарила её и сказала:

— Мне пора к моим друзьям! Мы ещё многого не видали в Тиргартене.

Группка вновь отправилась странствовать. Прелестный денёк провели под красивым деревом японской туей. Потом путники добрались до итальянских сосен пиний, а там и до лужка, вокруг какого красуются дикие вишни и польские лиственницы.

Солнечные дни сменились дождливыми, приходилось часто искать укрытие. Однажды компания устроилась в дупле, которое было вровень с землёй. Вдруг откуда-то донёсся страдальческий надтреснутый голос:

— Что делается — опять дождь! Как можно в такую погоду остаться сухим?

Зажигалке стало жаль сказавшего это, она спросила:

— Где вы?

— На моём всегдашнем месте — на дереве над дуплом. Я — Древесный Гриб.

— Хорошо, что вы — не я, — заметила Котлетка. — Для меня дождь ужасно вреден! Я поджаристая и как буду выглядеть, если промокну?

— И я тоже! — вставила Булочка.

— Но самое страшное грозит мне — я могу остыть, — трагическим голосом произнёс Шашлык. — А вот почему вы, Древесный Гриб, непременно хотите быть сухим, я не понимаю.

Компания услышала:

— Живи я тогда, когда ещё не были изобретены спички, я был бы нужен, чтобы разводить огонь. Меня отделили бы от дерева, высушили и берегли бы. Надо разжечь костёр — огниво высечет из кремня искру, она упадёт на меня, и я затлею. Огонёк раздуют, поднесут к сухим травинкам…

— О, я так хорошо это представляю! — воскликнула Зажигалка.

Древесный Гриб проговорил тоскливо:

— Мне только и остаётся — представлять, каким я был бы сухим и необходимым.

— Вы не можете сойти с вашего места и укрыться в дупле?

— Сдвинуться мне удавалось, хотя и надо было сильно напрячься. Но дупло уже успевал кто-нибудь занять.

Зажигалка торопливо отозвалась:

— Здесь не тесно!

— Древесный Гриб, — произнёс Шашлык, — мы приглашаем вас!

Донеслись поскрипывание, кряхтенье. Через несколько минут в дупле оказался неуклюжий Древесный Гриб, вода стекала с него крупными каплями. Зажигалка подала ему сухой мох обтереться. Гость промолвил растроганно:

— За всю мою жизнь меня в первый раз пригласили… и так любезно встречают.

— Располагайтесь поудобнее, — заботливо сказал Шашлык, а Котлетка и Булочка указали гостю самое лучшее, по их мнению, место.

Вскоре дождь стих или вовсе перестал, Зажигалка хотела выглянуть наружу, как вдруг в дупло всунулась чья-то голова. Она внушала растерянность своим видом: предлинные усы, очки с толстыми стёклами, непромокаемая шляпа. Незнакомец, было похоже, мало что разглядел. Выставляя вперёд лапы с когтями, он ощупью продвигался внутрь убежища. Ноздри подрагивали — принюхиваясь, пришелец повернул нос в сторону Булочки. Пробормотав:

— То, что надо! — он схватил её и, пятясь, покинул дупло.

Котлетка, вся дрожа, прошептала:

— Какое ужасное чудище! Что будет с несчастной Булочкой?

— Мы спасём её во что бы то ни стало! — Зажигалка подкралась к выходу из укрытия.

Древесный Гриб — пловец

Чудище, которое унесло Булочку, было старенькой выдрой. Она не могла уже, как прежде, стремительно скользить под водой и ухватывать рыбу. К тому же, ослабло зрение. Ей посоветовали обратиться к служителям Тиргартена. Те, когда зимой птицам недостаёт корма, развешивают кормушки. Значит, позаботятся и о других жителях, оказавшихся в нужде.

Служитель сказал:

— Вы будете ежедневно получать порцию свежемороженой рыбы.

Старушка Выдра тяжело вздохнула:

— Я ем только свежепойманную. Моей жизнью была рыбная ловля — помогите мне остаться рыболовом.

Служитель обещал написать заявление начальству, что и сделал. Вопрос рассмотрели. Как известно, в Тиргартене запрещено появляться с удочками. Но так как Выдра с полным правом кормилась тут рыболовством, ей разрешили, выйдя на пенсию, пользоваться удочкой. Выдра получила снасть и непромокаемую шляпу, какие надевают в дождь рыбаки.

Кроме того, были выписаны очки. Старушка видела в них не намного лучше, но думала: это всё, чем они могут помочь. Откуда же ей было знать, что по ошибке ей привезли очки, предназначенные для бобра, который жил в заповеднике?

И престарелая рыбачка мучилась, добывая наживку. Копаясь в земле, путала корень растения с червяком. Но разве же она призналась бы, что ей, которой ни в чём не отказали, и удить рыбу не удаётся?

Она думала и думала о наживке — и стала принюхиваться, когда поблизости кто-то из людей ел что-нибудь. Не соблазнит ли рыб эта еда? Однажды по

запаху Выдра нашла недоеденный кусок хлеба с остатками сала от жареной колбаски. Хлебные катышки оказались отменной приманкой для плотвы. Улова хватило на завтрак, обед и ужин. Раздобыть бы ещё такую наживку!

Рыбачка, которую не покидала эта мечта, попала под дождь в месте, где над протокой выгибается мост, украшенный чугунными орлами и потому называемый Мостом Орлов. К берегу подступают старые толстые деревья. Выдра, присев наземь, вздыхала. Дождь ей не мешал, ведь она и под водой чувствовала себя как дома. Но раз на ней была шляпа, старушка натянула её поглубже.

Закинуть бы удочку! Но нечего насадить на крючок… Дождь прекратился, и вдруг что-то заставило Выдру обернуться. Знакомый запах — откуда его доносит? Чутьё привело к дуплу…

Вернувшись к протоке необыкновенно довольной, она положила Булочку справа от себя, стала разматывать удочку. Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Древесный Гриб, подкравшись, притаились в траве позади рыбачки.

— Я ненавижу воду, но брошусь в неё! — тихо произнёс Древесный Гриб. — Я отвлеку похитителя, чтобы ваша подруга спаслась.

— Но вы можете утонуть, — прошептала Зажигалка.

— Древесные грибы не тонут. Но я готов и утонуть ради кого-то из вас! Вы все были так добры ко мне, — с неожиданной быстротой смельчак бросился вперёд.

Пробежав мимо Выдры, он бултыхнулся в протоку, принялся подскакивать на воде.

— Мне нарочно распугивают рыбу! — возмутилась старенькая рыбачка.

Ей пришлось, сойдя в воду, поусердствовать, прежде чем она схватила пловца. Пока она его ловила, Зажигалка подбежала к Булочке. Та лежала в обмороке, подруга привела её в чувства, помогла подняться:

— Бежим отсюда! — и потянула за собой в траву, где ждали Шашлык и Котлетка.

Роковое легкомыслие

Выдра на берегу проверила, годится ли тот, кого она поймала, для наживки.

— Нет, вкусным от тебя не пахнет! — сказав это, она попробовала его и на зуб. — Ты жёсткий и противный!

Древесный Гриб был с досадой отброшен в сторону. Рыбачка хотела взять Булочку, но где же она?

А та была гораздо ближе, чем могла бы быть. Встретившая её Котлетка обняла подругу и не отпускала, пока Шашлык в третий раз не потребовал бежать.

— Чудище совсем плохо видит. И задал же ему хлопот Древесный Гриб! — легкомысленно отвечала Котлетка.

Она не слишком спешила и отстала. А Выдра, которую пока ещё не подводило чутьё, обнюхивая землю, напала на следы беглецов. Когда Шашлык обернулся, чтобы поторопить капризницу, его бросило в жар, хоть он и был горячей горячего. Вблизи он увидел страшную голову в шляпе, очки, предлинные усы. В тот же миг Котлетка попала в когтистые лапы.

Чудище уносило её — Шашлык взглянул на Зажигалку и Булочку и с трудом выдавил:

— Нет-нет, не удерживайте меня.

— Конечно, мы вас не удерживаем! — воскликнула Булочка.

И он последовал за похитителем. Сбоку трава раздвинулась, показался Древесный Гриб.

— Я опознал вашего врага, — прошептал он мрачно. — Это Выдра, съевшая на своём веку множество рыб, в том числе и весьма крупных. Если её жертва ещё жива, я докажу вам, что я — надёжный друг!

— Что вы хотите сделать?

— Я опять отвлеку её, и вы уведёте вашу бедняжку.

В эту минуту рыбачка расположилась на берегу, вдыхая аромат Котлетки. Она пахла иначе, чем исчезнувшая добыча, но явно была лакомством. Выдра собралась откусить кусочек, чтобы насадить на крючок, как вдруг смутно разглядела сквозь стёкла очков: к ней подходит кто-то знакомый.

— Я опять прыгну в воду и распугаю всю рыбу! — раздался голос Древесного Гриба. — Лови меня и грызи, если тебе нравится.

Старушка рассердилась не на шутку:

— У тебя нет никаких дел? Бесстыжий бездельник!

— Я — Древесный Гриб и моё дело — быть на моём месте на дереве.

— Ну и отправляйся туда!

— Помоги мне, чтобы я оставил тебя в покое.

Выдра совсем вышла из себя:

— Смеёшься?! Я не лазаю по деревьям!

— Тебе не надо лезть. Ты только подсади меня.

Старушка, жалуясь на свою судьбу, поднялась и пошла за Древесным Грибом, который неторопливо направился к дереву. Он принялся кряхтеть, показывая, какого труда стоит ему попытка вскарабкаться вверх. Выдра стала подталкивать его снизу.

Меж тем Шашлык был уже рядом с Котлеткой, которая лежала около удочки и не смела шевельнуться. Он прошептал:

— Дорогая, спасайся! Я задержу её.

Котлетка, вскочив, растерянно спросила:

— Ты не бежишь со мной?

— Я остаюсь, чтобы тебя не настигли, как в прошлый раз. Обещай помнить меня.

— Ну конечно! — ответила юная дама, убегая.

В траве она наткнулась на Зажигалку.

— Я буду здесь и, может, смогу помочь ему, — сказала та. — Беги же скорее — Булочка ждёт!

Донёсся голос Выдры, которая прощалась с Древесным Грибом:

— Держишься ты наконец? У меня нет больше сил подсаживать тебя.

Не зря хлопотала Сорока

Рыбачка, возвратившись на берег, разглядела: место, где она оставила добычу, не опустело. Обрадованная, она уселась над водой и, думая, что берёт Котлетку, взялась за нанизанные на шампур горячие куски мяса.

— О-ой! — вскрикнула старушка, обжёгшись.

Она поспешно склонилась к воде, сунула в неё лапу — от резкого движения очки соскользнули с носа.

— Мне только этого не хватало! Как я отыщу их на дне? Я почти ничего не вижу, — Выдра встряхивала лапой, которую обожгла, а другой вытирала слёзы.

Шашлык, убегавший прочь, обернулся. К нему подошла Зажигалка.

— Пока она причитает, — прошептал Шашлык, — мы успеем уйти подальше.

Зажигалка сказала с жалостью:

— Бросить её в беде? Она старенькая и беспомощная.

Наземь возле них опустилась любознательная Сорока. Когда что-то случалось, она оказывалась тут как тут. Зажигалка и Шашлык поведали ей шёпотом, что были за дела. Сорока поскакала к убитой горем Выдре, затараторила:

— Не повезло тебе, да? Эх, ты, бедолага! Я помню, когда ты была в силе, мне от тебя перепадали остатки рыб. Ты могла бы уделять мне побольше, но уж больно хороший был у тебя аппетит.

— О-оо, золотое время! — старушка всхлипнула и прижала к глазам обе лапы.

— Ну-ну, не надо так горевать, — не умолкала Сорока. — Я ли тебе не помогу? Я всегда знаю, как помочь. Найду Черепаху, а она найдёт твои очки.

— Подождите! — сказал Шашлык, подходя. Он обратился к Выдре: — Вы должны дать слово, что не будете гоняться за нами.

Она тут же дала слово, хоть и призналась, что не ведает, с кем говорит.

Шашлык отправился успокаивать Котлетку и Булочку, Сорока полетела на поиски Черепахи. Зажигалка же осталась с несчастной Выдрой и старалась подбодрить её, рассказывая, как помогала попавшим в беду Черепаха.

А та была на Острове Руссо. Так зовётся красивый островок, на котором некогда высился огромный кедр, посаженный в честь горячего любителя природы Жан-Жака Руссо. Ныне здесь растут молодые деревья. И видны издали голубые барвинки — любимые цветы Жан-Жака Руссо, называемые в Германии фиалками ведьм. Берега островка окаймляют белые и зеленоватые цветы трёхлистного шелковника, водокраса и других растений, чьи стебли скрываются под

водой. Её гладь вокруг всего Острова Руссо покрывают прекрасные лилии. В тихие полуденные часы они иногда водят хороводы.

Сейчас лилии как раз начали плавное движение, и Черепаха, взобравшись на корягу, не отрывала глаз от необычайного зрелища. Тут подлетела Сорока, села рядом, застрекотала:

— Старая Выдра уронила в озеро очки и теперь не видит дальше своей лапы. Кричит, что если ей не достанут очки со дна, она утопится.

— Ах, почему у меня нет твоих крыльев! — взволнованно воскликнула Черепаха. — Скажи скорее, где она?

Добрячка поплыла к Мосту Орлов, возле которого на берегу сидела, сгорбившись, старушка Выдра в сбившейся набекрень рыбацкой шляпе. Здесь же суетилась Зажигалка. Шашлык и вернувшиеся с ним Котлетка и Булочка поглядывали на своего несчастного врага, в чьих когтистых лапах побывали.

— Если её очки найдут, почему бы ей не начать есть ягоды? — поделилась мыслью Котлетка.

Шашлык и Булочка согласились, что это было бы разумно.

— Мы же видели, с каким удовольствием клюют ягоды птицы, — сказала Булочка.

— А мыши уносят ягоды в свои норы, — добавила Котлетка.

Рыбачку, видимо, не трогал разговор. Она оживилась, лишь когда Сорока принесла весть: Черепаха плывёт сюда! Та показалась вскоре, не тратя слов, стала нырять, ища очки. И настал миг, когда Выдра надела их. Сорока заявила:

— От первой же рыбины, которую выудишь, оставь мне хвост.

— Я бы каждому из вас отдала улов целиком, да только откуда ему взяться? — грустно промолвила рыбачка. — Мне не удаётся находить насадку, я не отличу червяка от какого-нибудь корешка.

— Ты и в очках плохо видишь? — всполошилась Сорока. — О, я слышала: то же самое было с одним бобром. Ему привезли не его очки. Потом он получил подходящие и очень доволен. Что же ты молчала до сих пор? — Сорока полетела к служебному зданию, рассказала служителям, что у Выдры негодные очки.

Сюда пришла и сама старушка. Всё объяснилось. Очки ей заменили, и теперь от неё не спрятаться червякам, гусеницам, жучкам и разнообразным личинкам — даже таким мелким, как комариные. Насадки вдоволь.

Улитка и загадка её домика

Зажигалке, Шашлыку, Котлетке и Булочке казалось, что огромнее деревьев, которые вздымаются около Моста Орлов, не может быть. Но Выдра сказала: в Тиргартене есть деревья и побольше, и какие под ними таинственные местечки! Она показала, куда идти.

Странники покрыли расстояние до векового ясеня-великана, сделали привал под грабом с густой и широкой кроной, а затем полюбовались сиреневатой лесной мальвой.

День становился всё жарче, когда группка, пробираясь среди трав, услышала горькую жалобу:

— Сколько мне ещё мучиться без моего домика? — взывал из чащи тоненький голосок.

Зажигалка шагнула вперёд, раздвинула стебли:

— Кто здесь?

Перед друзьями предстал кто-то похожий на сырую плюшечку с усиками в виде рогатки. Но Булочка, приглядевшись, сказала:

— Мы не родственники. Это, наверно, фрикаделька для супа.

— Нет! Я — Улитка! — ответило существо голоском, полным обиды.

Шашлык извинился и произнёс:

— Мы не первый день странствуем по Тиргартену и видели немало улиток. Все они передвигаются вместе со своими домиками. Нам не повстречалась ни разу нагая улитка.

Незнакомка объяснила:

— У меня тоже есть домик. Я отдала его позолотить.

— Позолотить? — Шашлык обменялся взглядом с Котлеткой и Булочкой, все трое посмотрели на Зажигалку.

Та обратилась к Улитке:

— Твой домик не нравился тебе таким, каким он был?

— Ну что ты! Мой домик такой удобный, крепкий, надёжный — лучшего не пожелать! — запищал голосок. — Но пришёл Слизень и говорит, что я ужасно отстала от моды. Сижу в этих дебрях и не ведаю: все улитки носят позолоченные домики! Тебе, сказал Слизень, нельзя нигде показываться — засмеют.

Улитка рассказала, что расстроилась невыразимо. На её счастье, у Слизня хватило доброты помочь ей. Он взялся отнести её домик золотых дел мастеру.

— Но я совсем озябла! Первый раз в жизни на мне ничего нет, — бедное нагое существо ёжилось и дрожало.

— Золотых дел мастер мне очень нужен, — сообщила Котлетка, — я хотела бы заказать украшения.

— А я хочу посмотреть всё, что уже готово, — сказала Булочка.

— Сначала надо подумать о бездомной, — возразила Зажигалка.

Шашлык поддержал её и заключил:

— Опять же, нужно искать золотых дел мастера.

О нём Улитка впервые услышала от Слизня и знала лишь, в какую сторону тот унёс её домик. Компания, пожелав бедняжке терпения, пустилась в дорогу. Шашлык, как и Зажигалка, внимательно глядел по сторонам и вдруг воскликнул:

— Смотрите! — он показывал на мясистый лист большущего куста. — Улитка с домиком! Но я не вижу, чтобы он был позолочен.

Группка приблизилась к кусту.

— Простой домик, без следа золота! — заявила Котлетка.

Булочка подтвердила это. Тут вверху на дереве пискнула Синица, слетела на ветку пониже:

— Это не Улитка, а Слизень! Он влез в чужой домик — я видела.

Тот, о ком говорили, словно ничего не слышал. Он принялся есть лист, на котором сидел. Котлетка окликнула его:

— Послушай, почему ты не идёшь к золотых дел мастеру?

Слизень не отвечал. И тогда осенило Зажигалку:

— Нет никакого мастера! Обманщик взял Улиткин домик себе!

Котлетка и Булочка воскликнули в один голос:

— Какой мошенник!

— Жулик! Жулик! — затрезвонила с ветки Синица.

Шашлык возмутился бесчестностью Слизня и произнёс:

— Вы забрали у Улитки всё, что у неё было. Немедленно верните ей её убежище!

На этот раз раздался ответ:

— Идите к Ежу, пусть он перед вами отчитывается.

Честность жуликов

Сказанное вызвало сильное замешательство.

— Причём тут Ёж?

Слизень ответил:

— Лучше спросить — причём тут я? Ёж сказал мне о позолоченных домиках, о золотых дел мастере. А я всего лишь только передал это Улитке.

Слизню не поверили. Зажигалка воскликнула негодуя:

— Другой отговорки не придумал? Врёшь и как глупо!

Что наделали эти слова! Тот, к кому они относились, так и заверещал:

— Я-то глуп? Кто повёл бы себя умнее меня? Мне давно известно о подземном зале, где с вечера собираются мыши. Туда приходят кроты-музыканты, их целый оркестр. Под его музыку мыши танцуют кадриль. Ёж долго ко мне приставал, чтобы я указал ему тайный ход в этот зал. Но зачем мне подводить мышей? Я же знаю, что Ёж ест их.

Слизень замолчал, вероятно, подумав, что и так сказал слишком много. Раздавался только хруст, с каким он ел зелёный мясистый лист.

— Оркестр хорошо играет? — поинтересовалась Котлетка.

— Только кадриль или и другие танцы? — спросила Булочка.

— Подождите, — прервала подруг Зажигалка и задала свой вопрос Слизню: — Думаешь, ты нам доказал, что ты не глуп? Мыши, оркестр кротов, кадриль, Ёж — наговорил всего, а зачем, не знаешь.

— А вот и нет! Я сумел получить то, что нужно! При мне моё убежище, я могу без опаски направиться, куда хочу, и спокойно есть. Я заставил Ежа поработать головой — он придумал, что сказать Улитке. Ему за это заплачено.

Шашлык, который слушал с вниманием и удивлением, промолвил:

— Вы указали ход в подземный зал?

— А как же? Я ничего не хочу получать даром и честно рассчитался за домик! — с гордостью сказал Слизень.

Шашлык был до того потрясён, что онемел на минуту. Потом он ахнул. И лишь затем произнёс:

— А Улитку вы честно лишили домика? Она зябнет и, может быть, уже больна! Какое ей дело до ваших дел с Ежом?

— Хм. Тогда и мне нет до неё дела, — прозвучал ответ.

— Посмотрите — он даже не покраснел! — указала Зажигалка на нахала.

Она, Шашлык, Котлетка и Булочка принялись требовать, чтобы он возвратил домик Улитке. Синица позвала других синиц, слетелись воробьи, пеночки, горихвостки, поползни и иные пичужки. Разразился скандал, все стыдили мошенника. Он хихикал, отлично чувствуя себя на кусте, раскачиваясь вместе с листом, часть которого съел с завидным аппетитом. Возмущение не стихало, и Слизень крикнул:

— А ну, достаньте меня!

Зажигалка обратилась к синицам:

— Он радуется, что никто из нас ему не страшен. Позовите больших птиц!

Звать никого не пришлось — на шум подоспела Сорока.

Что может омрачить радость

Сев на ветку куста, Сорока клювом схватила домик со Слизнем и слетела на землю:

— Вылезай!

Нахал отозвался с ехидством:

— Ты можешь своим клювом разбить моё убежище, но тогда Улитка навсегда останется без домика.

— Я сделаю так, что он сохранится целёхоньким! Отнесу к муравьям, — сказала Сорока. — Ты узнаешь, что такое — полежать на муравейнике, хотя бы и в домике. Уж как муравьи любят забираться в такие места, когда там есть кое-кто упитанный!

— Неси, неси к муравьям! — защебетали птицы.

Миг — и Слизень покинул украденное жилище, стал молить о прощении. Зажигалка отвернулась от него:

— Скорее отнесём домик Улитке, — поторопила друзей.

Группка опустила свою ношу наземь, лишь когда добралась до страдалицы. Та вскричала от счастья.

— Мой прекрасный уютный домик! — повторяла и повторяла, осматривая своё жилище. — Но где позолота? — вдруг вымолвила Улитка с недоумением.

Ей стали объяснять: Слизень обманул её, нет никакой моды на позолоченные домики. Шашлык сказал тоном приятного раздумья:

— Снова получить то, без чего нельзя жить! На вашем месте я был бы в неописуемой радости.

— Да-да, я очень рада и благодарна вам, — ответила Улитка, устраиваясь в убежище. — Но позолоченный домик подошёл бы мне гораздо более.

Друзья не нашли, что сказать ей в утешение. Другая забота ждала их. Ёж знает ход в подземный зал мышей! Зажигалка, объятая тревогой, прошептала:

— Вы только подумайте… соберётся множество мышей, оркестр кротов заиграет кадриль — и тут явится незваный гость!

— И начнёт угощаться! — договорил Шашлык, добавив, что до захода солнца ещё есть время. — Но не будем мешкать! — воскликнул он.

Птицы показывали друзьям путь к жилищу Ежа. Оно было устроено вот где. В германских лесах и парках упавшие деревья, если они не мешают проезду, оставляют себе лежать. В них находят приют летучие мыши, множество насекомых. Колоды дают жизнь грибам, другим растениям.

Ёж жил в стволе такого давно упавшего дерева. Ствол покрылся мхом, местами его скрывала разросшаяся трава. Только вблизи можно было заметить ряд окошек. Внутри колоды располагались одна за другой три комнаты и тянулся длинный коридор, где Ёж нередко играл в кегли.

Хозяин проветривал свои апартаменты, когда его привлекло щебетанье птиц. О чём шёл трезвон? Слизень обманул Улитку! Ему, Ежу, выдал тайну хода в подземный зал!.. Свиристели, зяблики, трясогузки толковали о ком-то, кто вступился за Улитку и постоит и за мышей.

Ёж побыстрее закрыл окна ставнями, повернул ключ в замке. Вскоре перед лежащим деревом остановились Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка. В воздухе прожужжала божья коровка, приземлилась рядом. Её спросили, и она подтвердила: тут живёт Ёж.

Ночь необыкновенно темна

Зажигалка постучала в дверь, никто не отозвался. Котлетка в ужасе от своей мысли поделилась ею:

— Может быть, он уже ест мышей в том зале!

— О нет, дорогая, — успокоил её Шашлык. — Ты же успела узнать: у мышей сейчас послеобеденный сон. Они спят в своих норах. Да и Ёж должен бы отдыхать.

Божья Коровка вставила:

— Я была здесь только что и видела распахнутые окна.

Компания позвала хором:

— Хозяин, к вам пришли!

За дверью царило молчание. Воробьи, щеглы, поползни, зяблики и другие пичуги принялись повторять зов на все голоса и стучать клювами в дверь и в ставни. Наконец изнутри донеслось приглушённое:

— Его нет дома.

— А кто это говорит? — спросила Зажигалка.

— Его камердинер.

— Ого, у Ежа есть камердинер! — удивилась Котлетка, а Булочке стало любопытно:

— Вы тоже ёж?

— Нет-нет, я его племянник.

— Не ёж, но племянник ежа, — промолвил Шашлык в раздумье. — Интересно.

Зажигалка отозвала друзей в сторону:

— Мы тут ничего не добьёмся. Остаётся предупредить мышей. Но Ёж может проникнуть в зал и в другую ночь. Значит, мышам больше нельзя бывать там. Никогда не играть там оркестру.

— Как жалко! — вздохнула Котлетка. — Мыши, наверно, хорошо танцевали кадриль.

— Какая скука ждёт несчастных! — с состраданием сказала Булочка.

Группка отправилась искать мышиную нору: пусть её обитатели оповестят всех сородичей о смертельной угрозе. По пути Зажигалка прошептала, какую она придумала хитрость. Друзья нашли замысел подходящим и не стали сидеть сложа руки.

А Ёж, когда они ушли, стоял за дверью и прислушивался. До того он разглядел в щели между ставнями и в замочную скважину, что пришельцы невелики и если чем и могут досадить ему, то лишь увещаниями.

Смолкли голоса птиц, их ждали свои заботы. Замок беззвучно открылся, дверь приотворилась. «Как пришли, так и ушли!» — плут довольно хихикнул. Он сладко зевнул, удалился в спальню и лёг на мягкую кровать, предвкушая ночное пиршество.

Лишь только стемнело, Ёж проснулся и вскочил. Умывшись, он перед зеркалом натянул на передние лапы чёрные перчатки, обмотал себя широким чёрным шарфом. Из зеркала косо посматривал молодчик, с какими лучше не встречаться.

Выскользнув из дома, он притаился в траве. Тучи скрывали луну, звёзды. Необыкновенно тёмная ночь весьма подходила для страшного дела, на которое он собрался.

Довольно большое расстояние отделяло его от трёх берёз, росших из одного корня. Молодчик преодолел его с предосторожностями. Под берёзами ле-

жал толстый обломок ветви, полузасыпанный прошлогодними листьями. Под ним, как и говорил Слизень, оказался ход, куда Ёж ловко вполз.

Он пробирался вглубь, слыша, как колотится сердце. Мучило нетерпение: скорее очутиться в зале, встать во весь рост, чтобы мыши ужаснулись его виду! Они затрясутся, и он бросится на них… Донеслась мелодия кадрили, и у молодчика напряглась каждая жилка.

День куда хуже ночи

Он подался вперёд, на миг увидел зал с множеством блестящих глаз — и тотчас нос ожгла боль. Молодчик истошно завизжал. Чьи-то острые когти зацепили и шарф, рванули его. В узком подземном ходе Ежу было не развернуться, он мог только пятиться, и его нос снова испробовал когтей.

Тот, кто минуту назад так гордился, что нагонит на мышей ужас, не убавлял дикого поросячьего визга, пока не выбрался на поверхность. Он помчался во всю прыть домой, бросился на кровать, накрылся одеялом с головой. Насмерть перепуганный, даже забыл снять чёрные перчатки.

«Кто напал на меня? Наверняка кто-нибудь, кого сами мыши увидели впервые лишь недавно. Слизень выдал наш с ним секрет, мыши узнали, что я приду в гости, а тут некто забредший в парк предложил им защиту. Конечно, он коварно провёл их и теперь набивает ими брюхо!» — думал Ёж со злорадством.

Если бы он знал, как мыши веселятся! Оркестр кротов играет и играет польку! Не меньше мышей рады Зажигалка и её друзья. Они заблаговременно проводили в подземный зал старушку Выдру, и это она проучила Ежа.

Он боялся высунуть из дому нос, и когда настало солнечное утро. Однако никто не ломился в дверь, и он мало-помалу ободрился. Донимало опасение: а не переловит ли обладатель страшных когтей всех мышей поблизости? Надо бы прогуляться, взглянуть, что происходит.

Ёж заклеил пластырем царапины на носу и шагнул за порог, решив: «Для всех у меня один ответ — вчера перед сном я стоял у себя на пороге, и тут налетел сумасшедший жук-олень и вцепился мне в нос. После этого я всю ночь провёл в своей кровати!»

Он поостерёгся приближаться к трём берёзам и направился в сторону лужайки, которая прилегает к большому розарию.

Сквозь кроны деревьев пробивались лучи послеполуденного солнца. Ёж миновал заросли опутанного паутиной пёстрого аконита и вдруг невольно приник к земле — впереди кто-то шмыгнул из-под куста под кустик. Не мышь ли?

Он стал красться и увидел крупную мышь, которая тотчас побежала. Ёж кинулся за нею, схватил её — сверху упала сеть и накрыла обоих.

Когда нет выбора

Неудачливый охотник барахтался под сетью. Мышь была ненастоящая. Она двигалась благодаря электрической батарейке и управлялась на расстоянии. Её купил в магазине Съем Всё, сказав, будто хочет развлечь заскучавшего кота.

Браконьер, хорошо изучивший Тиргартен, выбрал местечко и подвесил к ветви сеть в виде раскрывшегося парашюта. Её держало устройство, которое, приняв сигнал, срабатывало, и сеть падала. Съем Всё затаился в засаде, заметил Ежа, совершавшего прогулку, и тот попался.

Над добычей стоял тип, чей нос был красен, как помидор, а брюхо вместило бы двух откормленных гусей и индюка в придачу.

— Судьба послала мне тебя, хотя я предпочёл бы поймать лису, — сказал Ежу детина. — За неё я взял бы кролика и фазана, а за тебя мне дадут только кролика.

Пленник собрался с духом и осмелился промямлить:

— Такие сделки запрещены.

Браконьер ухмыльнулся:

— Всё будет безобидно, прилично и даже мило. Я отнесу тебя в зоомагазин, он рядом с Тиргартеном. Скажу хозяину, что ты мой домашний Ёж и есть причина, по которой мне приходится с тобой расстаться. Я покажу, как горюю. И в утешение попрошу кролика. Какой там отъевшийся жирный кролик!

— Но я живу в Тиргартене на полных правах! — вскричал пленник плачущим голосом. — У меня здесь свой дом!

— В зоомагазине ты подтвердишь, что ты — мой собственный домашний Ёж, — потребовал Съем Всё. — Попытаешься сказать не то — я мигом унесу тебя и здесь, в парке, предложу лисе. Свернёшься клубком? Но я брошу тебя в протоку, и, чтобы не утонуть, тебе придётся открыть брюшко. Ты знаешь, как лисы подхватывают плывущих ежей.

— О-о, что мне делать? — раздался душераздирающий стон.

— Хнычь, сколько хочешь, — у тебя нет выбора.

— Почему вы ко мне так жестоки?

— Нисколько, — возразил Съем Всё хладнокровно. — В зоомагазине ты будешь сыт, и если тебя кто купит, то не для того, чтобы тобой пообедать. Зато уж лиса тобою пообедает с удовольствием.

— Только не это! — вырвалось у пленника.

Браконьер надел рукавицы, чтобы достать его из-под сети. Ёж вспомнил, как минувшей ночью надевал чёрные перчатки. Разве ему было жалко мышей, которыми он собирался угоститься на славу? Так кто пожалеет его, уносимого в клетке прочь от дома?

Слёзы троих

То, что Ежа поймал тип, уже известный в Тиргартене, не прошло незамеченным. Браконьер стоял над своей добычей, накрытой сетью, а кругом дрозды искали пищу в прошлогодней листве. Они слышали разговор, и не успел ещё браконьер посадить пленника в клетку, а о том, что его унесут в зоомагазин, уже знали Сорока, воробьи, синицы, Дятел. Никто не сомневался, что о происшествии нужно не мешкая сообщить Зажигалке и её друзьям.

Их увидели на поляне, где привезённые издалека редкостные растения окружают симпатичную беседку. В ней сидела госпожа Розенблюм, а Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка направлялись к цветущей столетней липе, на которой жила Герцогиня Грациозных Ос. Надо было спросить её, не покажется ли она перед госпожой Розенблюм под своим новым зонтиком от солнца.

Стайка птиц опустилась около группки. Лишь только рассказ закончился, Котлетка воскликнула:

— В чьи руки попал Ёж! А ведь такой хитрец!

— Ему повезло, что тип не ест ежей, — заметила Булочка.

— Наверно, Ёж теперь задумается о своём поведении, — высказал суждение Шашлык. — Может быть, он раскается и решит стать другим. Расстаться с Тиргартеном — тяжёлая кара судьбы.

Котлетка и Булочка добавили к этому, что пусть лучше их съедят, чем заберут из прекрасного Тиргартена.

— А Ёж, если ему не помочь, — у Зажигалки от переживания пресёкся голос, — уже не вернётся сюда!

Она многое хотела бы ещё выразить — сказать, что он никогда не увидит здешних величавых дубов, диких олив, укромных уголков в глубине чащ, великолепных цветников. Не увидит озёр, по чьим берегам цветут золотисто-жёлтые нарциссы, вздымаются шелестящими стенами камыш, рогоз, тростник. Не увидит прелестных лужаек с их пышным разнотравьем и густым кустарником по краю.

Представив всё то, что ей так нравилось в очаровательном парке, Зажигалка заявила: госпожа Розенблюм решит, как поступить. И побежала к беседке. Пожилая дама не задержалась в ней. Где находится зоомагазин, она знала и поспешила туда, сказав:

— Ёж вёл себя очень дурно! Но он — такая же жертва браконьера, какой мог стать невинный голубь или мирный карп. А ведь тип дал мне слово никого не трогать в Тиргартене. — Она покачала головой, в то время как упомянутый тип входил в зоомагазин.

Детина с поразительной для него вежливостью приветствовал хозяина. Браконьер заходил сюда не раз и разглядывал большого кролика в клетке. Сейчас Съем Всё сам держал в руках клетку, которая была не пуста. Он поставил её на прилавок, и на лице его изобразилось страдание, словно от зубной боли. Любезный хозяин магазина спросил:

— Чем я могу вам помочь?

Съем Всё удручённо опустил голову:

— Я успел привыкнуть к Ежу. Разве он не мил? Но ничего не поделаешь…

— А что случилось? — владелец зоомагазина внимательно смотрел на Ежа в клетке.

Тяжело вздохнув, детина стал рассказывать:

— Он мне достался от моей недавно умершей бабушки. Она проводила дни за вязанием, и Ёж у её ног играл клубками шерсти. Он полюбил это больше, чем дети любят манные пудинги с шоколадным соусом.

— Мои не любят, зато я ем и теперь, — сказал хозяин магазина. — А уж о детстве и не заикаюсь.

— Значит, вы поймёте меня и моего дружка, — кивнул Съем Всё и продолжил: — Я не умею вязать, у меня дома нет клубков шерсти. — Он помолчал, а затем произнёс: — Представьте, что у вас, ребёнка, отняли манный пудинг.

— О Боже! — в слабом возгласе хозяина было неподдельное мучение.

Браконьер заставил себя вспомнить, как долго он не пробовал дичи, и прослезился.

— Ёж в смертельной хандре. Я принёс его вам, чтобы он не погиб.

От этих слов слёзы потекли у пленника.

— Но я тоже не умею вязать, — сказав это, хозяин магазина беззвучно заплакал.

Съем Всё всхлипнул:

— Может быть, найдётся кто-то любящий и ежей и вязанье…

— Обязательно найдётся! — обращаясь к пленнику, постарался его ободрить владелец магазина. Он налил Ежу мисочку молока: — Тебе надо подкрепиться.

Вот кто счастливчик!

Ёж встретил взгляд браконьера, услышал: — Хлебай! — и так и окунул нос в молоко.

Съем Всё повернулся к хозяину:

— Ему будет хорошо и у вас, и у того, кто его купит. А мне без него станет так одиноко! Если вы не дадите мне замену, — он подошёл к клетке с кроликом. — Я бы вечерами слушал аппетитный хруст морковки… — Съем Всё представил нежную крольчатину на тарелке — его физиономия сделалась такой мечтательной, что жалостливый хозяин сказал:

— Вы можете взять его.

Браконьер не отрывал от кролика глаз и не повернул головы, когда в магазин вошла пожилая дама в розовой шляпке. Госпожа Розенблюм поздоровалась с хозяином и произнесла:

— Вас надувают. Ёж не принадлежит этому человеку!

Детину всего передёрнуло от её голоса, он свирепо глянул на неё, но тут же напустил на себя вид спокойствия.

— Меня с кем-то путают, — объявил хозяину.

Госпожа Розенблюм чётко выговорила каждое слово:

— Не ранее как сегодня этот Ёж был пойман в Тиргартене.

— Возможно, то был другой, — с мягкостью, стараясь никого не обидеть, сказал владелец магазина.

— Конечно, другой! — прорычал детина. — Этот всю жизнь прожил у моей бабушки.

Госпожа Розенблюм, глядя на миску молока, стоящую перед Ежом, спросила хозяина магазина — молоко какой жирности он налил?

— Три с половиной процента, — тот показал пакет.

— Престарелые люди считают такое молоко слишком жирным, вредным для здоровья. Они пьют то, в котором жира не больше, чем полтора процента. Это должен бы знать Ёж, долго живший у старушки. Он спросил у вас, какое молоко вы ему предложили?

— Нет, — владелец магазина растерянно посмотрел на браконьера. — Вы обманули меня? Но зачем?

— Чтобы заполучить у вас кролика, изжарить его и съесть! — сказала госпожа Розенблюм.

— Чепуха! Я всего-навсего шутил, — Съем Всё деланно захохотал и быстро, как только ему позволял его живот, покинул зоомагазин.

Хозяин взял на руки кролика, который трясся и постукивал зубами, и принялся гладить его, повторяя:

— Ты спасён, спасён! Успокойся!

Поблагодарив и весьма горячо госпожу Розенблюм, хозяин воскликнул:

— Я видеть не смогу манных пудингов с шоколадом!

Пожилая дама склонила голову чуть набок:

— Я поняла бы вас, если бы вы назвали бифштексы.

— Человек так подкупающе сказал о манных пудингах, что при одном их виде мне будет вспоминаться весь этот кошмар, — объяснил владелец магазина.

Госпожа Розенблюм глубоко ему посочувствовала и понесла Ежа в Тиргартен. Около беседки в сильном волнении ждали Зажигалка, Шашлык с Котлеткой, Булочка, Белка. Слетелись птицы. Всех разбирало любопытство.

Ёж вышел из клетки и рассказал, какую выдумку преподнёс хозяину магазина браконьер.

— Страшный человек! — сказали в один голос Котлетка и Булочка и обе содрогнулись.

А Ёж поклялся, что больше никого никогда не обманет. Шашлык заметил:

— Хорошо бы, чтобы вы всегда были искренни, а не только на радостях, что вам не придётся до конца дней играть в комнате клубками ниток.

— Но самый-то счастливчик — кролик! Не попал на сковороду, — сказал Ёж.

— Ты исправился! За другого рад больше, чем за себя, — заверещала Сорока.

Захваченных съесть на дне

Зажигалке и её компании не терпелось рассказать Выдре о приключениях Ежа. Друзья застали рыбачку у Моста Орлов, но та намеревалась отправиться туда, где в эту пору клёв бывал бойчее, — на Пруд Золотых Рыбок. Водится там, главным образом, плотва, которую и собиралась удить Выдра, а редких золотых рыбок, несмотря на название, тут не больше, чем в других водоёмах Тиргартена.

Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка не видели Пруд Золотых Рыбок и охотно пошли с Выдрой, по дороге рассказывая о приключившемся с Ежом.

Солнце скоро должно было закатиться, когда друзья приблизились к пруду. С другой стороны к нему подступает пологий холм, чей склон покрывают клумбы разнообразной формы. Издали видны яркие россыпи маков, пионов, других цветов.

Выдра и её спутники расположились на противоположном берегу, покрытом подстриженной травкой. Рыбалка началась удачно: плотицы клевали одна за другой, и Выдра решила остаться здесь. Она нарвала тростника и сплела подстилку, которую положила у самой воды. Друзья же опасались сырости, и рыбачка отнесла им охапку тростника от воды подальше.

Ночь наступила тихая, тёплая. Все устали и сразу уснули крепким сном. Зажигалка не почувствовала, как её потащили куда-то. Наконец она пробудилась, вскрикнула и услышала зловещий шёпот:

— Ни звука! Или мы перекусим тебя пополам!

Она ощутила, как сильно её сжимают твёрдые клещи. Бедную волокли ещё недолго, затем втащили куда-то наверх и всунули в какую-то щель. К счастью, Зажигалка не провалилась в неё вся и смогла оглядеться в негустой темноте.

Пленница поняла, что воткнута в трещину пня, откуда без помощи не выбраться. Она сверху заметила движения существ, в которых было что-то вселяющее ужас. Они обматывали стеблями тростника Котлетку и Булочку. Шашлык пытался сопротивляться, надеясь обжечь напавших. Но те при помощи прута опрокинули его наземь, бросили на него лист лопуха, в который мигом завернули, чтобы завернуть во второй, в третий и обмотать тростником.

Жертвы поначалу звали на помощь, но напавшие всем троим залепили рты глиной. Лапы, которыми существа действовали весьма ловко, походили на клещи, и Зажигалка догадалась, что их обладатели — раки, о ком она слышала от Черепахи и Выдры.

Собравшись в кружок, раки совещались. Можно было понять: они утащат троих на дно пруда и там съедят. Решался вопрос, кого тащить первым.

Зажигалка, втиснутая в трещину пня, не могла в ней шевельнуться. Чем беспомощно глядеть, как друзей поволокут на съедение, она предпочла бы разделить их участь. О, как она жалела, что несъедобна!.. Доносился мирный храп Выдры, спавшей на своей постели у озера. Зажигалка закричала, но голосок был слишком слаб, чтобы потревожить крепкий сон рыбачки. Один из раков пошёл к пню, но на полпути сообразил — никакие призывы кричавшей не разбудят Выдру. И вернулся к собратьям.

Объятия сна и воздушная армия

«От моего голоса нет толку, но у меня есть ещё одно средство привлечь кого-нибудь», — сказала себе Зажигалка.

Раздался щелчок, над сырым пнём затрепетали отсветы огненного язычка. Огонь колдовски действует на ночных бабочек, они заворожённо летят на него, опаляют крылышки и гибнут. И теперь над пламенем Зажигалки закружился Мотылёк. Он не успел обжечься — пламя погасло.

— Ты одинок или у тебя есть друзья? — спросила Зажигалка.

Мотылёк обрадованно заговорил о дружбе. Оказалось, он был недавно той самой личинкой, чью жизнь спасла Белка. От неё он узнал о Шампиньоне с его пуловером, о Рыбке, о Черепахе.

— И я тоже была там, — прошептала Зажигалка, — но сейчас не до того. Моих друзей вот-вот съедят раки!

Её снедало отчаяние:

— Как разбудить Выдру? Ты не пошуршишь крылышками у её носа?

Мотылёк прислушался к храпу рыбачки.

— Шороха она не почует. Поможет другое. — И улетел.

Раки между тем ощупывали связанных Котлетку и Булочку и не могли договориться, кого отправить в пруд первой. А несколько раков вообще полагали: прежде всего, на дно должен быть уложен Шашлык. Он такой горячий, что требуется время, пока он остынет. В конце концов с этим согласились остальные.

Занятым ракам не было дела до того, что воздух наполнился тонким гудением. Вернулся Мотылёк, за которым плыла туча комаров. Он просил их помочь, и они отозвались. Мотылёк закружился над храпящей Выдрой — полчище комаров зароилось над её головой. Облепив нос, губы, они безжалостно вонзали в них свои хоботки. Рыбачка заворочалась, продолжая всхрапывать. Комары яростно кусали и кусали её, забирались к ней в ноздри. И она, чихнув, села на своей постели, замахала лапами:

— Вас тут тьма и все такие злющие!

Выдра фыркала, крутила головой и вдруг заметила: раки волокут что-то. Старушка надела очки и ахнула:

— Уж не Шашлык ли это?

— Да, Шашлык! — закричала с пня Зажигалка. — Раки напали на нас!

Рыбачка схватила удилище, пребольно ткнула одного, второго, третьего рака. Те, забыв о поживе, кинулись к пруду. Через несколько минут и остальных не было на берегу. Комары, которых Мотылёк попросил больше не досаждать Выдре, улетели, и она развязала Котлетку и Булочку, вытащила Зажигалку из трещины пня. А уже тогда взялась за освобождение Шашлыка, перегрызая путы с осторожностью, чтобы не получить ожог.

Какое общество в гостинице!

Котлетка и Булочка жаловались на смертельное утомление. Они сетовали, что не знают ни дупла, ни какого-нибудь глухого местечка поблизости, где можно было бы надёжно спрятаться и поспать вволю.

— Чем думать, где спрятаться, не лучше ли пойти в гостиницу? — сказала Выдра. — Она тут рядом.

— Вправду недалеко? — оживился Шашлык. То, что раки упаковали его в три лопуха, оскорбило и невыразимо омрачало его.

— Я провожу вас. Надо обогнуть пруд и отойти немного, — пояснила рыбачка.

Гостиница уместилась меж деревьями, обвитыми плющом, и если бы не светящееся окошко, её нельзя было бы заметить. Хозяин, немолодой Лис, в своё время, не в пример другим лисам Тиргартена, перестал охотиться.

Произошло это с ним из-за бесед с госпожой Розенблюм о добре и дружбе. Бывало, она останавливалась у душистого кипариса или у заматерелого вяза, чьи корни выступают из почвы. Лис усаживался на них и слушал, что говорила ему госпожа Розенблюм, угощая его варёными яйцами с майонезом. Разве же они, особенно если к ним добавить свежие листья салата, не заменят несчастных мышей и кроликов?

Лису всё более и более хотелось вести достойную жизнь, и он решил открыть гостиницу, о которой пойдёт добрая слава.

Котлетке с Булочкой, Шашлыку и Зажигалке он показался необычайно симпатичным. Они похвалили отведённый им номер и попросили не беспокоить их до позднего утра.

— Видны истые странники, которые понимают, что такое сон в отличной гостинице! — Лис обворожительно улыбнулся.

Сам он вставал спозаранок, чтобы начать день основательной пробежкой. Он давно не раскапывал мышиных нор, а лапы-то требовали упражнений. И потому бег иногда прерывался — Лис рыл ямку, точил когти.

Сегодня взгляд бегущего упал на кружок рыхлой почвы. «О, тут кто-то что-то зарыл!» — мысль задала лапам работу. В земле попадались травинки, сухие листья — то, что обычно оказывается в засыпанной яме. «Какая глубокая понадобилась!» — подгоняло любопытство. Когти скребнули металл. Лис добавил усилий и извлёк на поверхность облепленный сырой почвой Нож.

— Стукни мною оземь да посильнее — иначе мне не убедиться, что я не брежу, — проскрежетал какой-то неживой голос, будто говорил не Нож, а какая-нибудь никуда не годная сломанная подкова.

Лис ударил им плашмя о землю.

— Будь добр, стукни ещё разок, и тогда я решусь спросить тебя, не солнце ли это всходит над деревьями, — голос стал потверже.

Просьба была энергично исполнена и к тому же прозвучало подтверждение: над деревьями сияет именно солнце!

Нож так и вскинулся вверх остриём. Подскакивая, он принялся вращаться в воздухе, а затем долго танцевал неведомый, должно быть, и ему самому танец. Лис сидел и помалкивал. Он достаточно слышал о том, кого ему довелось выкопать. Спасённый распростёрся перед ним:

— У моей благодарности тебе нет границ. Но как можно это представить? Ты не вообразишь, что значит — лежать зарытым в землю! Я каждый миг помнил, что больше никогда не увижу небо и траву. Никогда! Разве же это не самая чёрная мука из мук? И потому теперь я прошу прощения у всех, кого обидел, и клянусь, что отныне не повредю лепестка!

— Если бы ты исполнял это по моему примеру! — сказал со вздохом Лис. — Я решил никому не причинять зла и в самом деле не причиняю.

Тут его глаза странно блеснули, он облизнулся, мотнул головой. Из травы показалась большая мышь, она осторожно приближалась.

— Ого! Лучше бы ты с меня брал пример — я не смотрю на неё алчным взглядом, — заметил Нож не без насмешки.

Он и его спаситель услышали возглас отчаяния:

— Я убежала от моего хозяина!

Оказалось, мышь была та самая, с чьей помощью вчера Съем Всё поймал Ежа. Минул лишь день, а наглый браконьер уже опять пришёл в Тиргартен охотиться. «В Берлине хватает зоомагазинов, и, попадись мне лиса, я найду, где её обменять на кролика и фазана или на пару зайцев», — бормотал ненасытный чревоугодник.

Мышь, увидевшая свет, чтобы радовать детей, не хотела служить жестокому владельцу-лгуну. Он и с ней обращался по-хамски. Заметив, как она любит порезвиться, он дома клал её в ящик стола на спину, вынув батарейку. Бедняжка, не имея сил двинуться, долгие часы лежала в одном и том же положении, спину разламывала боль.

Надо было спасаться при первой же возможности.

Сегодня, когда Съем Всё прицеплял к суку сеть, Мышь помчалась туда, где кусты казались гуще. Под ними, как она и думала, попалась мышиная норка, беглянка нырнула в неё.

— Хозяин спохватился, что не видит меня, и стал действовать прибором, который издали управляет моими движениями. Меня неудержимо потянуло наружу. И тогда я позвала на помощь мышей. Нора под землёй соединялась с другими норами — быстро собралась толпа друзей. Одни крепко обхватили меня, вокруг них стеснились остальные. И сколько электричества ни изводил хо-

зяин, меня не выпустили к нему в руки. Он не выдержал и, наконец, ушёл, — окончила рассказ Мышь.

— Я знаю негодяя, он обрёк меня на ужасную гибель, — угрюмо проговорил Нож, уточнив, что у браконьера красный нос и толстое брюхо. — Теперь я буду брать с него долг — ни одно дело ему не удастся. Ты будешь мне помогать? — обратился он к беглянке.

Та робела, и он добавил:

— Тип не перестанет тебя искать и вернёт, если тебе никто не поможет.

Заговорил Лис:

— У меня в гостинице остановилась компания, где, я слышал, знают толк в дружбе. Пойдёмте, нельзя терять время.

Он молчал всю дорогу, как Нож ни приставал к нему, и только в гостинице произнёс, обратившись к постояльцам:

— Вам будет интересно!

При виде Ножа Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка чуть не воскликнули:

«Что ему здесь надо?»

Силки изрезаны

Рассказ, как дружок ужасно обошёлся с дружком, несомненно указывал: Нож жаждет мстить. Но сам-то он лучше ли браконьера? Зажигалка заявила:

— Если ты нас обманываешь или хочешь обмануть, то ничего у тебя не выйдет! Мы будем очень внимательны.

— Спасибо вам за внимание, — промолвил Нож смиренно и добавил с железной твёрдостью: — Я буду доказывать жителям Тиргартена, что снова увидел солнце к их благу!

— Похлопаем! — пошутил Лис, и вдруг у него вырвалось: — Что это с ней?

Все в комнате смотрели на Мышь, которая неожиданно перекувырнулась, а затем упёрла в пол все четыре лапки, словно не желая сдвинуться с места. Однако лапки стали переступать… Мышь уже почти бежала к двери, когда Нож крикнул Лису:

— Закрой!

Тот, совершив бесподобный для его возраста прыжок, захлопнул дверь, опередив Мышь на долю секунды.

— Хозяин рядом! — пропищало подневольное создание.

— Я всё понял, — сказал Лис. — Извини, что сейчас положу тебя в гамак и примотаю полотенцем. А тогда выйду потолковать с ним.

— Я тоже выйду, но в окно, и незаметно послежу за ним со стороны, — вставил Нож.

Спустя несколько минут он уже был под густым мелкокустьем, а Лис вышел на крыльцо гостиницы. В просвете меж деревьями виднелась дебелая фигура, и он направился к ней.

— Вам что-нибудь нужно?

— Ты держишь у себя вещь, за которую я заплатил деньги! — прорычал детина, сжимая в руке пульт дистанционного управления. — Если сейчас Мышь не прибежит ко мне, я пойду и сам заберу её!

— Но моя гостиница не вместит вас.

— Я сниму с неё крышу.

— О, нет, — возразил Лис. — Гостиницу, как и всё в Тиргартене, защищает закон. Вы понесёте ответственность за разрушение, повреждение и любую порчу.

— Но ты первый нарушаешь закон! — Съем Всё разразился бранью. — Не выпускаешь Мышь, которая принадлежит мне! Я купил её в магазине!

— Купили как игрушку, а принуждаете участвовать в браконьерстве, — ввернул Лис.

— Он вокруг гостиницы расставил силки! — донеслись слова.

Съем Всё повернул голову и облился холодным потом от неожиданности: к нему, посмеиваясь, шёл Нож. За ним Белка несла в лапках ворох тонких верёвок.

Нож объяснил:

— Силки я изрезал. Но мы сохраним их, чтобы представить полиции, если кое-кто не перестанет безобразничать.

Браконьер, трясшийся от растерянности и злобы, пробормотал:

— И как он снова изловчился выбраться?

Ноги не держали детину, он опустился наземь. Из гостиницы вышли Зажигалка, Шашлык с Котлеткой, Булочка. Они, Лис, Нож и Белка встали перед сидящим на земле. «Торжествуют победу», — подумал Съем Всё с угрюмой яростью.

— Что вы уставились на меня?

Вперёд выступила Зажигалка:

— Неужели ты не хочешь, чтобы все радовались жизни? Ведь в Тиргартене так хорошо!

— Но мне-то жизни нет! Сама ты как издевалась надо мной! — прохрипел браконьер.

— Посмотрите — перед ним все виноваты, а он — сущий ангел да и только!.. Так знай, — заявил Нож бывшему приятелю, — мы не дадим тебе поймать и лягушонка!

В голове браконьера тяжело ворочались мысли о лютом мщении. «Пусть я отложу заботу о добыче, нестерпимо страдая! Зато я займусь тем, как отплатить вам, — сказал себе Съем Всё, поднимаясь и уходя. — Веселитесь и поскорее забудьте об осторожности».

Ещё один друг

Белка предложила развлечь Мышь, которой пока доводилось только мучиться.

— Покатаемся на моём корабле!

Белка, Мышь и Нож, Зажигалка и её компания отправились к гавани. Когда они переходили Аллею Вязов, их увидела госпожа Розенблюм и проводила к озеру. Ей рассказали историю беглянки, дама наклонилась к ней:

— Что за радость — почувствовать свободу! И как кстати прогулка на корабле.

Мышь, однако, не была особенно весела.

— Мне будет скучно сидеть на нём. Я гляжу, как снуют в траве настоящие мыши… Я бы с каждой побегала наперегонки, но у них свои дела.

Госпожа Розенблюм задумалась, а на другой день, посетив магазин, принесла для Мыши колесо, какие вращают хомяки бешеным бегом на месте. Кроме того, дама купила два колеса для игрушечного парохода, ось и резиновый привод.

— Не пора ли построить новый корабль? — спросила Белку госпожа Розенблюм.

Нож с рвением взялся помогать, и вскоре был готов плот раза в два больше старого. Посреди него стояло колесо, влезая в которое, Мышь начинала свой бег. Колесо крутилось всё быстрее, передавая движение колёсам по сторонам плота: они двигали судно.

Какое счастье — видеть, что благодаря тебе плывёт корабль! Его экипажем стали Спички и Коробок, жившие в дупле у Белки. Теперь они поддерживали образцовый порядок на судне.

Пассажирами чаще всего были Нож, Зажигалка с её компанией, а также Древесный Гриб. Зажигалка сказала Белке-капитану, до чего Грибу, должно быть, тоскливо долгие годы сидеть приросшим к дереву, и его всё время приглашали в плавание.

Он любовался пирамидальными тополями, благородными пихтами, пышным вечнозелёным кустарником на берегах, глядел на мосты, на водяные растения, особенно восхищаясь лилиями и кувшинками, и убеждался: оказывается, можно нисколько не бояться сырости, проводя целые дни на воде.

Белка держала рулевое весло. Пассажиры прятались от нещадного солнца под тентом из белоснежных лепестков рододендрона. Спичечный Коробок, расположившись около гудка, приветствовал сигналами уток. Мышь неслась в своём колесе, не зная устали и конца радости: госпожа Розенблюм накупила ей в запас достаточно батареек.

Корабль то пересекал озеро, то, описывая круг, поворачивал к протоке, уплывал дальше и дальше. А потом совершал обратный путь.

Мышь не уходила с него, и когда он на ночь оставался у причала. Как обычно, она спала подле колеса — тут кто-то в голове у неё шепнул:

— Не тревожься, я твой друг. Хозяин купил нас вместе, я управлял твоими движениями.

Беглянка обомлела от страха, что всевластная сила погонит её к хозяину, но снова зазвучал слабый шёпот:

— Я далеко. Моей энергии хватает только, чтобы передать голос. Отбрось страхи. Твои мысли открыты для меня, и, если хочешь о чём-то спросить, — лишь подумай, и я прочитаю.

«Какая-то хитрость», — думала Мышь, дрожа.

— Когда мы оба были у хозяина, то не перекинулись словом, — прошептал далёкий прибор. — Ты не доверяешь мне?

«А как же иначе, если ты держал меня в своей власти?» — мысленно сказала Мышь.

— Я не понимал, что можно посметь убежать. И не верил, что тебя не удастся вернуть.

«Он честен со мной», — подумалось Мыши.

— Будь и ты со мной честной, — попросил голос. — Мне так важно знать — ты счастлива на свободе?

«Да-а-ааа!!!» — восторгом отозвалось всё существо беглянки.

Послышался вздох. Потом голос зашептал:

— Я лежу в ящике стола и очень завидую тебе. Но, поверь, дурного я тебе не желаю. Будь и впредь счастливой.

«Спасибо, друг!»

— А хозяин, — поведал прибор, — хочет навредить тебе и твоим друзьям. Он бормотал: хорошо, что стоит сухая погода и завтра будут поливать Тиргартен.

Мышь охватили мысли сильнейшей тревоги:

«Он говорил ещё что-то?»

— Вот его слова, — прозвучало в ответ: — Я смою их проклятое гнездо!

Под чужой личиной

Мышь разбудила Белку, Зажигалку, остальных. Что затевает их упрямый враг? Его известная злобность подсказывала им что-либо самое страшное. Волнение росло и росло к рассвету, когда прилетела Сорока.

— Я повторяю — он хочет завладеть поливальной установкой! — сказал Нож.

Мышь вскинула передние лапки:

— Тише! Мне передают…

В её голове раздавался шёпот:

— Хозяин положил меня в карман, вышел из дома. Я всё время боюсь — он уловит, что я включился, но сейчас уличный шум глушит слабые звуки, я этим пользуюсь. Конечно, хозяин идёт в Тиргартен, раз он взял меня с собой.

Только там ты можешь попасться ему на глаза, и тогда я понадоблюсь. Но я не подчинюсь ему!

Прибор сказал ещё:

— Сигнал угрозы — шуршащий звук. Я буду передавать его иногда. Если ты услышишь его ясно, значит — хозяин рядом, опасность близка!

Мышь пересказала услышанное друзьям. Сорока и другие птицы полетели высматривать фигуру браконьера. Известие, принесённое Сорокой, было таково: в Тиргартене пока малолюдно, лишь во дворе служебного здания собираются служители. Тип подошёл туда.

— Мы должны быть вблизи! — прошептал Нож.

Белка обогнала его, за ним следом бежали Мышь, Зажигалка, Шашлык с Котлеткой и Булочка. Когда подоспели к зданию, Белка, которая не таясь бывала всюду, проскочила во двор и взобралась на росшую здесь сосну. Остальные спрятались под кустами, высаженными вдоль ограды.

Во дворе толпились люди в одинаковой рабочей одежде. Белка на сосне разводила передние лапки и мотала головой, показывая друзьям, что не видит врага. Сорока опустилась около ограды рядом с прилёгшим Ножом:

— Его уже нет здесь.

— А если он выдал себя за служителя и получил робу?

Люди брали в сарае свёрнутые шланги, гаечные ключи, шли к воротам. Несколько человек уже вышли со двора.

— Я не успел разглядеть цвет их носов, — признался Шашлык.

Остальные могли сказать то же самое. «Упустили или упустим?» — терзалась в панике Мышь. Вдруг в голове у неё коротко прошуршало.

— Вот он! — вырвалось у Мыши.

Сорока и Нож опознали одну из фигур, в этот миг выходивших из ворот. Её заслонили, но взлетевшая Сорока увидела типа с высоты: у кого ещё было такое брюхо? Придерживая рукой на плече шланг, свёрнутый петлями, в другой руке держа гаечный ключ, Съем Всё зашагал по лугу. Он не забыл переложить в карман рабочей куртки прибор, чьё название переводится на русский язык тремя словами, из которых два куда как длинны. Лучше, по примеру немцев, обойтись без перевода одним английским названием «трэкер».

Трэкер ждал случая ещё раз подать сигнал Мыши.

Ножу, Зажигалке, всей компании, конечно, было не под силу угнаться за переодетым браконьером. Но Сорока, то высоко взмывая, то садясь на верхушки деревьев, следила за ним и посылала к друзьям птиц-гонцов. Те показывали, куда двигаться. Когда он оставил позади аллею под названием Поперечная, Нож сказал:

— Идёт к гостинице!

По всему Тиргартену устроены выходы подземных труб оросительной системы, краны расположены вровень с поверхностью земли. Съем Всё подходил к тому, который ближе к гостинице. Поднять крышку над краном, подсоединить шланг — и, пожалуйста: поворачивай вентиль, поливай участок.

Сорока понимала замысел типа. Надо задержать его до прихода друзей! Она спланировала в кусты раскидистого тиса, среди которых прятались кролики, и поспешно заговорила с ними.

Съем Всё присел на корточки около крана, действуя гаечным ключом, открыл крышку.

— Что-то я тебя не узнаю, — сказал Кран. — Ты новенький здесь?

— Да. Первый день.

Скрепив с Краном конец шланга, переодетый браконьер стал разматывать шланг, направляясь к деревьям, окружавшим маленькую гостиницу. Он не сводил глаз с просвета между ними: пущенная туда струя должна была попасть прямо в окно.

Головомойка

Из-под кустов показались два, три, а за ними аж четвёртый кролик! Съем Всё пригнулся, заворожённо глядя на них. А они словно бы не обращали на него никакого внимания. Безбоязненно пощипывая траву, делали время от времени скачок, приближаясь к типу, которого вид поживы доводил до безумия. Забыв, что при нём нет ничего необходимого для охоты, он щёлкал языком, чмокал и плямкал губами, будто это могло подманить кроликов. Пригнувшись ещё ниже, он двинулся к ним крадучись, когда позади него к Крану подбежали Нож, Мышь и Зажигалка.

— Кран, ты вот-вот натворишь бед! — прошептал Нож. — Слышал ты о гостинице, которую тут рядом держит Лис?

— Слышал — и что?

— Тип, который присоединил к тебе шланг, хочет разрушить гостиницу потоком воды, — голос Ножа захлебнулся в тревоге.

В разговор вмешался Шланг:

— Человек, который принёс меня сюда, — служитель. Он заботится о Тиргартене и должен выполнить свою работу — полить участок.

— Вас с Краном обманули! Проходимец хитёр! — раздражённо зашептал Нож. — Очень скоро вы узнаете о его заботах. Но гостиницы, где любое существо бесплатно находило приют, уже не будет.

— Почему тебе надо верить? — недружелюбно сказал Кран. — Я и Шланг созданы для полезных дел. Сколько пользы мы принесли! А кто ты и те, что с тобой?

— Нас тоже изготовили на фабрике и для дела! — Нож стукнул лезвием о трубу Крана. — Мы оба из металла. А вон она полна бензина.

Раздался щелчок — Зажигалка на миг выпустила язычок пламени.

— А это — искусственная Мышь! — Нож помог Мыши, которая опрокинулась на спину и повернула болтик на животе, приоткрыть крышку и показать батарейку.

— И впрямь техника, все трое! — Кран смягчился. — Я рад знакомству! Правильно, что обратились к нам.

Тут Шланг сказал в замешательстве:

— Этот служитель вправду странный. Взялся подманивать кроликов, а как увидел, что они ему не дадутся, забормотал: всё равно однажды доберусь до вас!

— Ого! — отозвался Кран и попросил новых знакомых: — Отойдите подальше, чтобы не мешать потехе.

А Съем Всё, разъярённый кроликами, которые вволю подразнили его, развернул Шланг полностью: от конца до гостиницы оставалось не больше метров шести.

— Струя вышибет оконное стекло, — детина мстительно ухмыльнулся. — Потом снесёт крышу и зальёт всех, кто сидит под ней. Поднимутся крики, вой, визг: «Наводнение! Тонем! Спасите!!!» Тогда я направлю струю под стену, и лачужка превратится в кораблик, но отнюдь не весёлый. Он поплывёт, разваливаясь, по реке грязи!

Злоба подстегнула типа — он повернулся и, тяжко топая, побежал к Крану, чтобы крутнуть вентиль. Топ, топ, топ… ещё восемь, семь шагов… пять… Он не успел ничего сообразить, как во весь рост рухнул наземь, — Шланг крепко охватил его ноги. Съем Всё приподнялся, упираясь руками в землю, а конец Шланга — уже перед ним. Вентиль повернулся сам, струя воды с огромной силой ударила детину прямо в лицо.

— А-ааа!!! — крик мгновенно оборвался, но до чего он был громок.

Вся злость мстительного и жестокого типа превратилась в неимоверный ужас. Съем Всё заслонял руками лицо, хватал ртом воздух, а конец Шланга нырнул ему за ворот. Нещадно обливаемый холодной водой, детина заорал, как сумасшедший:

— Тону-уу!!!

Шланг освободил его ноги, но лишь только он вскочил — опять ударил ему в лицо струёй воды. Резиновый змей не давал ему убежать, извиваясь и танцуя вокруг него.

Наконец Шланг позволил ему броситься в сторону, и тут же Съем Всё наткнулся на пень с украшением, какие нередко встречаются в Тиргартене. На пне сидела оловянная голова какого-то сказочного существа. Она разинула пасть, показывая обезумевшему детине кроваво-красный язык и страшные клыки. Тот зажмурился, застонал и мешком повалился набок. Из нагрудного кармана его куртки выпрыгнул Трэкер. Друг Мыши, много раз облитый водой, чувствовал: жизнь уходит из него. И надеялся хотя бы на полчаса свободы.

Съем Всё не заметил его бегства. А если бы и заметил, до того ли ему было? Не помня себя, он катился по траве. Когда же попробовал подняться на четвереньки, его шею, щеку оцарапали чьи-то когти.

— Пощады!

Когти оказались колючками шиповника, под чьи кусты закатился Съем Всё. Взвыв, он продрался сквозь них и увидел на земле белые головы мертвецов.

Волосы у него встали дыбом. Головы скалились и беззвучно хохотали. Это были безобидные грибы дождевики.

— Пощадите, — поднявшись, Съем Всё моляще вытягивал руки. В ужасе, что на него набросятся сзади или сбоку, он кружился на месте. В голове у него путалось: — Тону! Пощады! Наводнение!

Мало-помалу он стал перемещаться в сторону, обогнул шарообразные грибы и понёсся не разбирая дороги. Нескоро ему удалось выбраться из Тиргартена. А потом он долго не мог найти своё жильё, хоть и пробегал возле самого дома.

Строгость короля

Кран и Шланг принимали поздравления от всех, кто радовался, что гостиница спасена. Сколько разговоров, сколько веселья было! Но и слёз — тоже. Мышь с помощью Зажигалки извлекла из мокрой травы своего друга, который выскользнул на свободу, но пострадал от воды. По Тиргартену разнеслась весть: тот, благодаря кому провалился замысел врага, умирает. Впервые услышавшие о приборе принимались плакать. Например, Улитка.

Прибор принесли в гостиницу и, перед тем как уложить беднягу в постель, обтёрли полотенцами. У него до предела поднялась температура, он бредил, издавая шуршащий звук: «Опасность близка!» Его лихорадило, бросало в пот: насквозь мокрые простыни непрестанно меняли.

На другой день госпожа Розенблюм, которой, конечно, обо всём рассказали, купила новую батарейку для больного. Ему сразу же полегчало, температура снизилась. Он лежал в постели, приглядываясь к тем, кто за ним ухаживал, и всё никак не мог поверить, что спасся от хозяина.

Друг Мыши уже стал и другом Зажигалки, Шашлыка, Котлетки, Булочки. Другом Лиса, разумеется, — тоже. И Сороки. Всегда кто-нибудь сидел у кровати и старался развлечь больного новостями.

Ему рассказывали о бронзовой Амазонке на коне. Казалось, она скакала к Пруду Золотых Рыбок и вдруг замерла неподалёку, окружённая обширным цветником. У женщины-воина — подобающая ей атлетическая фигура, в руке — секира с двумя полукруглыми лезвиями. Всадница сурова видом, но давным-давно известно, как щедра она к гостям на её праздниках.

Амазонка любит их устраивать ничуть не меньше королевы Луизы, которая ещё ни разу не приняла приглашение. Её величество не скрывает, что не прочь бы побывать на празднестве. С нею охотно отправился бы юный принц Вильгельм, чья статуя несказанно украшает островок, расположенный подле Острова Луизы.

Однако желания королевы и принца разбиваются о волю его величества. Памятник Фридриху Вильгельму III возвышается по другую сторону озера, лицо стоящего на внушительном постаменте короля обращено к королеве.

По его мнению, немыслимо, чтобы члены его семьи удостаивали своим посещением особу, «одетую, — говорил он, — столь легко и кое-как». Обычно он добавлял: «Ради неё одеваться час, когда она вмиг накинет одеяние, короче и проще которого ничего нет?»

И всё же Амазонка опять послала приглашение королевской семье: срок очередного празднества приближался. От придворных просочился слух: король, строгий по-прежнему, запрета не отменит. Об этом Тиргартен судачил весь вчерашний день, а сегодня Сорока принесла весть лежащему в постели больному: королева Луиза, как увидели по её лицу ранним утром, огорчена.

Огорчена, вне сомнений, и Амазонка, хотя по замкнутому лицу женщины-воина это очень непросто заметить.

Трэкер не успел огорчиться в свою очередь, как Сорока, глядя на него зорким взглядом, сообщила:

— Есть повеселее новость. Твой хозяин снова пришёл в Тиргартен и кому только не улыбается!

Больной тотчас ощутил жар, пожаловался на ломоту во всём теле и на приступ удушья. Сорока стала его успокаивать:

— Он не пойдёт сюда скандалить. Разве лишь ночью тихонько подберётся. Не больно-то и страшно. Все говорят — он переменился.

Съем Всё идёт к Амазонке

Как ни напугали его в злосчастное утро, он подумал: «В какой раз кончается тем, что переодеваюсь в сухое. И ничего, не погиб». Страхи не оставляли браконьера, но он отлично знал: если не замышляешь зла, ничего тебе не сделают в Тиргартене.

Съем Всё дома посмотрел в зеркало и поведал своему отражению:

— Я отправлюсь туда с приветом в каждой руке и на губах!

Войдя в парк там, где начинается аллея под названием Бременская Дорога, он догнал госпожу Розенблюм. У неё брови поползли ввысь от изумления, когда детина, отнюдь не мрачный, как прежде, поздоровался с нею любезнее, чем сама любезность.

Затем, словно дама была ещё недостаточно потрясена, он похвалил её новую шляпку.

Но на том не кончилось. Непохожий на себя тип с виноватой улыбкой пролепетал:

— Нельзя ли мне покормить птиц вместе с вами? Если я один буду бросать им корм, они к нему не прикоснутся.

«Я вижу чудесный сон!» — говорила себе пожилая дама.

Детина стоял рядом с ней, держа в руке пакетик с овсяными хлопьями и дроблёными орехами и покидывая корм слетавшимся зябликам, малиновкам, синицам. «Он делает это первый раз в жизни», — думала госпожа Розенблюм и, конечно, не ошибалась.

Позже Съем Всё вышел к озеру и пожелал приятного отдыха Черепахе, которая взобралась подремать на упавшее в воду дерево.

Из-за покрытого зеленью мыса выплыл корабль Белки — Съем Всё приветственно помахал рукой пассажирам и команде.

За ним неусыпно наблюдала Сорока и, как потом рассказала хитрая птица, она решила его проверить. Слетав за осколком зеркала, она села на ветвь и стала пускать солнечный зайчик в глаза детине. Он и не подумал рассвирепеть, не выкрикнул ни одного бранного слова. Даже кулаком не погрозил. Тип только жмурился, отворачивался и добродушно смеялся.

Не произошло ли, наконец, то, чего все хотели и так ждали? Упрямец расстался со своей злобой и дикой страстью к поживе.

Изо дня в день Съем Всё показывал, что так и есть. Встретив госпожу Розенблюм, описывал ей своё восхищение розами. Издали кланялся Шашлыку, Котлетке и Булочке, вытирая губы салфеткой. Кланялся и Зажигалке, но обходился без салфетки.

Птицы привыкли, что он их подкармливает, и не стеснялись болтать при нём. Нет-нет да упомянут Амазонку: сколько вкусненького будет на её празднике!

Съем Всё не раз проходил мимо бронзовой всадницы, но о том, что она устраивает празднества, услышал впервые. Захотелось оглядеть её повнимательнее.

Он перескочил через невысокую ограду цветника, в середине которого возвышается постамент с Амазонкой, приблизился к нему. Какой могучий конь! Одного топота этих копыт довольно, чтобы самоуверенный Лис больше не смог уснуть в своей гостинице. А какое грозное оружие в руке наездницы. Секира с двумя полукруглыми лезвиями — можно за полминуты изрубить на сто кусков резиновый Шланг.

Съем Всё снизу всмотрелся в лицо Амазонки, улыбаясь:

— Ты угощаешь гостей лакомствами. Значит, тебе интересны угощения?

Бронзовое лицо выразило раздражение, как если бы всадница сказала: «Что за болтовня?»

«Ага, ответила! Разговор начат!» — обрадовался Съем Всё.

— Я принесу угощения, каких никто не знал, когда жили амазонки! — пообещал он и побежал за мороженым.

Разговор не для чужих ушей

Вскоре он стоял на прежнем месте и протягивал Амазонке порцию мороженого:

— Это с ванилью, попробуй!

Её взгляд стал презрительным, будто она фыркнула: — Фу!

— Но уж это тебе понравится, оно с малиной. Я сам съедаю десять порций зараз! — он показывал другое мороженое и гладил свой выпирающий живот.

Во взгляде Амазонки интереса не прибавилось.

— А вот фисташковое! Лизни хоть разок, и ты не оторвёшься, пока не прикончишь его!

Он предлагал всаднице сорт за сортом и с наслаждением ел и ел мороженое, доказывая, что это за прелесть. «До чего я страдаю! — думал он. — Ещё недавно сказали бы мне, что я буду кого-то угощать — да чем? Мороженым на выбор! — Съем Всё подавлял горестные всхлипы и опять принимался за угощение, не соблазнившее Амазонку. — О, как недобра и несправедлива ко мне жизнь!»

Подобно другим берлинцам и не только им, он бесплатно получал каталоги от разных фирм, которые рекламировали свои товары. «Раз не хочет мороженого — значит, должна захотеть чего-то иного», — с этой мыслью Съем Всё принёс всаднице свежий каталог. Раскрыв его и положив на грудь, детина показывал Амазонке фотографии:

— Взгляни на джинсы! Тебе любые пойдут, но вот эти — особенно!

Амазонка если и смотрела, то равнодушно.

Он перелистывал страницы.

— Наклонись и рассмотри получше! Джинсы Levi's — ты и их не хочешь примерить? Они созданы, чтобы ты в них вскочила на коня!

Бронзовая всадница оставалась столь невозмутимой, словно только такой и могла быть. А Съем Всё, вытягивая руки, выставлял вверх раскрытый каталог.

— Calvin Klein Jeans, — он произнёс наименование с самым сладким восхищением, на какое лишь был способен.

Однако всадница промолчала, как если бы он обращался к обыкновенной бронзе.

Устав, он умолк, одной рукой придерживая каталог на груди, а другой перелистывая его.

— А ну! — внезапно промолвил совсем тихий, но ясный голос.

Съем Всё, чуть не выронив каталог, повернул его к себе. Реклама спортивного облачения. Два каратиста в боевой стойке на татами.

— Тебе понравились их кимоно?

— Нет, — не двинувшись, едва слышно сказала всадница.

От волнения не один нос, а всё лицо детины стало красным, как помидор. Нос же побурел и усеялся каплями пота.

— Что же тебя заинтересовало? — вкрадчиво спросил Съем Всё.

— Приёмы в бою. Я хочу видеть бой от начала и до конца.

— Желание, достойное женщины-воина! — льстиво произнёс прожжённый тип.

Он повёл глазами по сторонам: нет ли любопытных поблизости? С видом накатившей лени шагнул к постаменту, прислонился к нему спиной.

— Я принесу тебе видеозапись. Лучшие бои, какие только вели мастера каратэ, — сказал он тихо, не поворачивая головы. — Но ты должна мне на время уступить коня и секиру.

Амазонка молчала. «Откажется!» — он переживал так, что было холодно спине от нагретого солнцем камня.

— Сколько в фильме боевых приёмов! — Съем Всё причмокнул, словно рассказывал о яствах. — Ты увидишь самое замечательное, что сегодня есть в каратэ. Удары коленом туда, ступнёй туда, большим пальцем ноги — сюда!

— Я согласна! — произнесла Амазонка.

Чтобы не захлопать в ладоши, детина крепко сжал кулаки. Рано радоваться, надо ещё достать фильм. Хватило бы завтрашнего дня! И тогда ночью можно сесть на коня, поднять секиру…

Проблеск зари — сигнал к возвращению.

— Чуть начнёт светать, я должна быть на моём месте, как сейчас! — отчеканила всадница.

Что знали трое…

Кому-то было любопытно поначалу, зачем неугомонный тип привязался к Амазонке. Кролики посматривали на него из кустов, обступавших площадку с цветником и бронзовой всадницей посередине. Белка глядела то с одного дерева, то с другого, а то присоединялась к Зажигалке, Шашлыку, Котлетке и Булочке, которые тоже приходили взглянуть, как Съем Всё соблазняет Амазонку мороженым.

Белка рассудила так:

— Его здорово проучили, и ему хочется мира. Он старается, чтобы мы поскорее забыли его безобразия. Как он лебезит перед госпожой Розенблюм! Вот и Амазонке пытается угодить.

— Это гораздо лучше, чем замышлять зло! — сказала Зажигалка. — Вспомните, каким опасным был Нож. А теперь он друг всем нам. И если такое произошло с одним, то разве и со вторым не вероятно то же самое?

Эти слова жители Тиргартена стали передавать друг другу, так они нравились. Однако Нож не приходил от них в восторг и втайне негодовал: «Да, я был способен на зло. Но кто-нибудь измерял мою способность на добрые дела? Я вообще способный, и до чего глупо — сравнивать меня с тем, кто так груб, жаден и прожорлив!»

Съем Всё упрямо заговаривал с Амазонкой, и один Нож по-прежнему следил за ним, мысленно взывая: «Посмейся над ними! Докажи, что ты опаснее, а я умнее, чем они могут вообразить своим умишкой!» Он боялся насторожить бывшего дружка и прятался в отдалении за деревьями. Там не было слышно разговора, но как только Съем Всё побежал раздобыть фильм, Нож поспешил к всаднице.

Он расточал ей комплименты, расхваливал её скакуна, прежде чем сказать:

— Красноносому обманщику нельзя верить. Что он предложил?

Она надменно не обращала внимания на пришельца. Кто-то сумеет обмануть её? Что за вздор! Скорее-скорее бы увидеть видеозапись, ради которой заключён договор. Но болтать о нём — значило уронить себя. Однако она не приказала молчать Секире, которая услышала подкупающе трогательный возглас Ножа:

— Какое прекрасное холодное оружие!

Он понизил голос:

— Я тоже остр и знаю толк в ударах. Но мне приходится лишь мечтать о таких, на какие способна ты.

Секира прониклась симпатией к новому знакомому, который оказался из своих.

— Повезло тебе с хозяйкой — как не позавидовать! — проговорил он искренне. — А я дважды попадал во власть к красноносому злодею. В первый раз он забросил меня в озеро, во второй — закопал в землю.

Нож добавил подробности и спросил Секиру, чьё воображение разыгралось:

— Надеюсь, ему ничего от тебя не нужно?

— Ну как же… — и она обеспокоенно рассказала о договоре.

Амазонка, которой ни до чего, кроме фильма, не было дела, не прервала её.

Посланцы надежды

Нож вышел из цветника, повернул к раздольному лугу и там оглянулся. Амазонка и её конь в лучах солнца выглядели мирней мирного. Завтра будет такой же радостный день с благоуханием цветов, пением птиц, с тенью зелёных чащ и блеском зеркальных озёр. Но что затем уготовано обитателям Тиргартена?

— Не хочу хвастать, однако я единственный разгадал его, — обратился Нож к тем, кто первым пришёл к престарому чёрному виргинскому тополю, сломанному бурей. Кругом росли кусты орешника. Сорока, по просьбе Ножа, разносила весть, что здесь место сбора.

Рассказав о своём многообещающем открытии, былой сообщник браконьера произнёс:

— Все радовались, как он переменился. А что будет, когда он верхом на коне размахнётся Секирой?

— Мне страшно! — вскрикнула Котлетка, которая оказалась тут вместе с Шашлыком, Булочкой и Зажигалкой.

— Чего только он ни натворит, — зловеще продолжил Нож: — У него будет вся ночь до проблеска рассвета.

— До проблеска рассвета, — повторила Зажигалка задумываясь. — Ну почему мой язычок пламени так слаб? О, если бы… — она не договорила.

Тот, кто некогда сам был не прочь побезобразничать, промолвил:

— Он поскачет к гостинице нашего доброго Лиса.

— И ударит топором по крыше, — прошептав, Булочка содрогнулась.

Нож в несказанном удовольствии от её ужаса добавил:

— Он изрубит гостиницу! И ещё ей достанется от конских копыт.

— Во что она превратится, такая уютная? — запричитала Котлетка.

— А потом конь понесёт его галопом к… — Нож смолк, за него сказала Булочка: — К пристани. Ах, что будет с причалом и с нашим кораблём?!

— Надо это представить, — мрачно потребовал знаток чёрных деяний. — Когда всё будет кончено, он понесётся к жилью Ежа…

— К дому в лежащем дереве, — вставила Котлетка.

Нож продолжил:

— И примется, поднимая коня на дыбы, с размаху рубить Секирой дерево, пустое внутри.

— Но в нём бедняжка Ёж! — вырвалось у Булочки.

Тот, кто рисовал картину за картиной, промолвил:

— Жертв может быть гораздо больше. Прибавь злосчастных кроликов, которые попадут под копыта коня. Прибавь ветви, сучья и молодые деревца, которые злодей срубит, размахивая Секирой направо и налево.

— Надо найти самое укромное дупло. Я до восхода солнца не выгляну из него! — дрожащим голосом вымолвила Булочка.

— И я тоже, — захныкала Котлетка.

— Я всё время буду рядом с тобой, дорогая, — ласково заверил её Шашлык.

Нож произнёс мрачнее, чем прежде:

— Ни она, ни Булочка не рискнут взобраться высоко на дерево. Вам остаются лишь дупла у земли. А вдруг злодей вздумает проверить, нет ли там кого? Ударом Секиры он перекрестит дупло! Представьте, как лезвие рассекает его края. Вторым, третьим ударом Секира достанет тех, кто спрятался…

— О, нет! — Котлетка и Булочка застонали.

— Будем надеяться, в темноте он не разглядит дупло, — ободряюще сказал Шашлык. — К тому же, — добавил он рассудительно, — ему и так хватит дел.

— Вот именно! Хорошо, когда о других помнишь в первую очередь, — сказал Нож, многозначительно усмехаясь.

Булочка вдруг спохватилась:

— А о даме в шляпке забыли? Она опять не нагонит страх на типа?

— Да-да! — повеселела Котлетка.

— Погодите! — Зажигалка, которая всё это время о чём-то думала, попросила тишины. — Мы и сами можем быть очень сильны…

Она поведала свои мысли. Ни у кого не нашлось возражений, и делегация с нею во главе отправилась к столетней липе, где жила Герцогиня Грациозных Ос. Её светлость приняла гостей в сахарно белом павильоне у подножия липы и, любезно их выслушав, удовлетворила просьбу. Особо доверенные осы вылетели к пчёлам, шершням и стрекозам.

Попрощавшись с герцогиней, Зажигалка и её спутники увидели на травинке Божью Коровку. Как только она услышала, чем может помочь Тиргартену, тотчас полетела с заданием, и вскоре множество жуков и жучков знали, что надо делать. Отправлять гонцов к тем, кто нужен! Они есть и тут рядом, но таких недостаточно.

Остаток дня и половину следующего воздух над Тиргартеном и его окрестностями вибрировал, как никогда раньше. Во все стороны летели, летели, летели посланцы ос, пчёл и иных насекомых, уносясь дальше и дальше в парки, скверы, сады. Они устремлялись и в зелёные дворы, и в островки уличной зелени. Находя нужных, гонцы жужжали, передавая на их языке послание, которое заканчивалось: «Мы надеемся на вас!»

Мастерские приёмы

Когда подкрались сумерки, на аллее, что ведёт к бронзовой Амазонке, показалась фигура впечатляющих размеров, взять хотя бы живот. Детина нёс в руке небольшой плоский чемоданчик, это был ноутбук.

Гуляющих становилось меньше и меньше. Над вершинами деревьев всё ярче разгоралась пара звёзд, остальные прятались за облаками. Пришелец с ноутбуком уселся на скамью на площадке, которая окружает постамент с Амазонкой, окружённый, в свою очередь, цветником.

— Проклятье, когда же совсем стемнеет! — бранился Съем Всё себе под нос.

Ему пришлось посуетиться, пока он нашёл подходящий фильм, но изрядно вспотевший детина не чувствовал усталости. Он знал одно: скорее на коня! — и занести Секиру для удара…

Съем Всё в последний раз глянул по сторонам: безлюдно. «Час настал!» — он устремился к Амазонке. Присев, раскрыл ноутбук и расположил так, чтобы она видела экран, не поворачивая головы. Не поднимаясь, детина на четвереньках отполз в сторону. Его всего трясло, зубы клацали.

Светящийся экран будто и не интересовал всадницу, она была недвижна. Это длилось невероятно долго — мог поклясться Съем Всё. На самом же деле прошли лишь секунды, и босая Амазонка легко и бесшумно соскользнула с коня на постамент, а с него наземь и села на пятки перед ноутбуком. Кто бы сказал, что она бронзовая, а не соткана из воздуха? Секира была по-прежнему в её правой руке. Амазонка не глядя положила её сбоку от себя на землю. Съем Всё лёг на брюхо, протянул руку.

— А коня? — прохрипел он, держа Секиру и вставая.

Женщина-воин свистнула — скакун в великолепном прыжке снялся с постамента, опустился на рыхлую землю цветника и, взрыв её копытами, понёсся по площадке вокруг. Размявшись, смирно встал перед детиной, который тотчас уселся на него.

— Помни уговор! — произнесла Амазонка, следя за схваткой каратистов на экране.

— До зари я успею очень утомиться! — ответил изнемогающий от нетерпения тип и рассёк воздух Секирой.

Он направил коня к гостинице ненавистного Лиса, не удерживая мелкого злорадного смеха, как вдруг позади всадника раздалось:

— Я фазан, нагулявший жирок!

Нож, который это крикнул, мгновенно лёг под ограду цветника, в узкую выемку меж столбиками. Над ним была горизонтальная стальная полоса. Подскакавший Съем Всё хотел рубануть по ней, но бронзовая Секира не желала иметь дело со сталью и выскользнула из руки. Когда взбешённый тип, наконец, снова ухватил оружие, за его спиной послышалось:

— Я заяц, отъевшийся в овсах!

Кричал Шашлык, выглянув из-за дерева по другую сторону площадки. Съем Всё, не помня себя от ярости, махнул Секирой и взревел:

— Хрясь!!! — как если бы разрубил пополам тушу огромного животного.

Подскакав к деревьям, он хотел, объезжая их, найти дразнившего. Но между деревьями росли кусты.

— Обращу в стружку! — детина попытался изрубить куст, но гибкие ветки легко прогибались, и сила ударов пропадала.

В темноте издевательски хихикали то ли в той, то ли в другой стороне. Чей-то голосок пропищал: — Хрясь! — и зазвенел хохоток.

— Доберусь до каждого! — Съем Всё крутил Секирой над головой, конь под ним всхрапывал, плясал, вставал на дыбы.

Где-то сбоку два голоса крикнули:

— Мы — дикие поросята!

Котлетка и Булочка тут же спрятались в дупле у самой земли. Съем Всё если бы и знал, в каком оно дереве, нескоро бы добрался до дупла. Пришлось бы спешиться, пролезть под кустом. А тут вдруг так захотелось жареного поросёнка!

— Одни косточки оставлю! — прорычал тип.

Смешки вокруг стали громче. Его дразнили и Зажигалка, и Мышь, и Белка, и Ёж. Тот крикнул:

— Я — оленёнок! Какое из меня рагу, хи-хи-хи!

— Рагу! — рявкнул Съем Всё и погнал коня к молодому деревцу.

Он заносил Секиру, чтобы с ходу подсечь неокрепший ствол ни в чём не повинной акации. Но Секира помнила разговор с Ножом. Ей не нравилось служить тому, кто сжимал её рукоять, обезумев от злобы. Если он едва не обезоб-

разил её ударом о сталь, чего хорошего можно ещё ждать? Не хватало только отвечать за него. И она отклонилась и не задела деревце.

Посыпалась неистовая брань. И тут захлопали крылья, разнёсся голос Сороки:

— Смотрите — варвар с топором!

Это был сигнал. В темноте задрожал слабый язычок пламени, и через миг вокруг возникло множество огоньков. Они быстро сливались, волнами растеклось сияние. Осветились пустующий постамент, цветы, ограда, скамьи, деревья. Амазонка оторвала взгляд от экрана ноутбука и вздрогнула: рассвело!

— Сюда! — бросила она повеление.

— Это не рассвет, — ошалело пробормотал Съем Всё, понукая коня.

Тот во весь опор понёсся к гостинице Лиса, но Амазонка свистнула — скакун встал как вкопанный, детина не удержался на нём. Кубарем скатившись наземь, он вскочил и с диким воплем замахнулся Секирой на женщину-воина. Та издала крик ярости, молниеносно коснулась противника пальцем ноги — тип, выронив Секиру, шмякнулся задом о землю.

Амазонка схватила детину за руку, рывком поставила его на ноги и блестяще применила приём — туша тяжело взлетела и рухнула на брюхо. Держа противника под мышки, женщина-воин вновь подняла его с земли и новым приёмом бросила навзничь.

Он пришёл в себя в своей кровати и не мог вспомнить, как и когда до неё добрался.

Гостиница ждёт

Амазонка заняла своё всегдашнее место, и стало темнеть. В воздухе стояло громкое густое жужжание. Жучки-светлячки, мириады которых слетелись по зову изобразить рассвет, возвращались по домам. Крошечные существа выполнили просьбу других существ, которым грозила беда, и ничего не требовали взамен. Здешние обитатели с чувством благодарили их. Кто понимал жужжание, мог разобрать немало необыкновенно сердечных выражений.

А кого-то лишь одно занимало во всём происшедшем. Амазонка на коне поворачивала голову к ноутбуку, который остался лежать сбоку от постамента. Лис догадался, чего ей хочется. Позвал Ежа, Белку, и они втроём перетащили ноутбук, чтобы всадница видела экран, не меняя всегдашней позы. Зрение у Амазонки превосходное, расстояние не помешало ей смотреть фильм. Когда он кончился, его запустили с начала, потом повторили это, и она была поглощена боем каратистов до подлинного утра: ясного, безветренного.

Поспешившая на прогулку госпожа Розенблюм обратила внимание на ноутбук, который Съем Всё взял напрокат с такой пользой, хотя и не для себя. Дама отнесла вещь в бюро находок, вернулась в парк и поискала взглядом скамью в тени. Едва старушка присела отдохнуть, на спинку скамейки опустилась

Сорока. Госпожа Розенблюм услышала, что приглашена к Амазонке на празднество, которое продлится всю ночь. Пожилая дама была удивлена и растеряна:

— Что случилось? Она прежде не приглашала меня.

Сорока передала слова короля Фридриха Вильгельма III:

— Если бы Тиргартен не защитила Амазонка, его спасла бы госпожа Розенблюм!

Дама узнала, что недавно было в её любимом парке. Воительница отвела угрозу от многих. Но как возникла угроза? Столь опасный на коне и с секирой, почему мстительный тип завладел тем и другим? Амазонка геройски показала себя, это правда. Но она ли истинная героиня?

Несомненно одно: его величество хотел видеть, как она на ком-то пробует приёмы каратэ. Почему бы не шепнуть ей об этом, например, во время танца?

— А принять приглашение на праздник, — сказал король, — теперь наш долг и почётный!

Так дождались в Тиргартене соизволения, о каком столько мечтали. С наступлением ночи Амазонка отпустила скакуна купаться в Пруду Золотых Рыбок, а сама направилась навстречу королевской семье.

Король и женщина-воин начали бал танцем, который должен был быть очень древним. Он и был таковым. Его величество артистично изображал нападения с воображаемой дубиной в руках, а партнёрша стремительно наносила ему удары воображаемым коротким мечом.

Затем король исполнил вальс с Чёрной Маской. Никто не мог догадаться, кто это. Но вот дама сняла маску и шляпку, по моде украшенную перьями, и оказалась милой госпожой Розенблюм. Перья, которыми она, по совету короля, заменила привычный цветок, сбили всех с толку. Его величество был в высшей степени доволен.

— Вкус! — произнёс он о своём вкусе и чрезвычайно любезно прибавил: — Недаром никто не умеет так удачно подбирать к шляпкам цветы, как госпожа Розенблюм!

Она, со своей стороны, сказала:

— И все они искусственные. Я никогда не срежу живого цветка.

— О! — воскликнул король. — Об этом надо рассказывать детям!

Случилось так, что тут же из подземелья стали взбегать наверх амазонки, маленькие, как дети. Они исполнили завораживающий танец с топориками. Потом танцевала невиданная пара: Нож и Зажигалка, над которой трепетал, бился и рвался ввысь лоскутьями огонь. Нож подпрыгивал, на миг ложась в воздухе горизонтально, а то уходил глубоко в землю — казалось, кавалер встаёт на колени. Зажигалка кружилась вокруг, над парой метался султан пламени.

Потрясённая публика долго рукоплескала танцорам и оркестру, который играл впервые. Он состоял из мышей и кротов, а управлял им прибор Трэкер, сбежавший от браконьера вслед за искусственной Мышью. Созданный, чтобы подчинять её чужой воле, он не радовался выздоровлению. Ведь он никому ни

на что не годился. И вдруг то, что было в нём заложено, обратилось в дар дирижёра.

А какие разнеслись слухи и до чего быстро! Наутро Зажигалка, Шашлык, Котлетка и Булочка отправились в новое странствие, и встречные спрашивали их: правда, что в Тиргартене появился оркестр землероек, которым дирижирует искусственный Браконьер?

Странники устали объяснять, как оно было на самом деле. И отвечали: чем сидеть на месте, спрашивать и удивляться, не лучше ли самим пуститься в странствие? Можно не удаляться чересчур от гостиницы Лиса, где всегда ждёт приятный отдых. Разговоришься с хозяином, с постояльцами и услышишь такое, перед чем померкнет рассказанная история. Ведь она, по сути, — лишь нехитрая правда и не более.

Берлин, 30 мая 1999